

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

V.

SZEGED

1967

**Publicationes Instituti Philologiae Rossicae in Universitate
de Attila József Nominata**

V.

**Redigit
József Juhász**

К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАБОТЫ

М. А. Соколова
(Ленинград)

Внимание и умелое использование богатств и возможностей своего родного языка, мне кажется, характеризует наших предельно далеких предков. Сколько ни обращаешься к трудам Владимира Мономаха, не перестаешь восхищаться как умелым, любовным использованием данных своего языка, так и в определенных условиях привлечением лексики близкородственного нам старославянского языка, т. е. тех образований, которые обычно называют церковнославянизмами, хотя они не все, надо думать, являются таковыми. Полагаю, что после тщательного изучения трудов Вл. Мономаха его можно считать первым нашим стилистом.

Обращение к ряду других произведений прошлого укрепляет мнение об умелом пользовании как данными своего языка, так и наследием близкородственного нам старославянского языка, а также и своими дублетными, а порою и архаическими формами. Естественно, что и разработка русского языка, интерес к его фонетическим, морфологическим данным, к его синтаксическим особенностям, к его лексике также уводит нас в относительно далекое прошлое. Однако разработка данных языка шла до некоторой степени своеобразно. Можно, пожалуй, сказать, что до Советского периода достаточно глубоко и детально были разработаны вопросы фонетики и морфологии, до некоторой только степени вопросы синтаксиса и лексики. Расцвет и новизна исследований этих разделов — достижение наших дней.

Начнем с раздела фонетики. Использование сравнительно-исторического метода дало возможность установить соотношенность звуков родного языка с другими индоевропейскими языками, вскрыть природу таких звуков как *ѣ*, *ь*, *ь*, определить природу носовых и их рефлексы в русском языке. Однако и в этом разделе имеются достижения, осуществленные советскими специалистами.

В данном случае я имею в виду некоторые новые наблюдения, сделанные в области редуцированных звуков. Казалось, что в этом пункте достигнута достаточная ясность. Но обращение к мало исследованным или даже вообще неисследованным рукописным памятникам дало возможность сказать нечто новое, с чем нам уж нельзя не считаться. В данном случае следует назвать работу В. М. Маркова „К истории редуцированных гласных в русском языке“¹

¹ Казань, 1963 г.

Привлечение ценнейших рукописных памятников XI—XII вв. дало возможность высказать ряд новых положений большой значимости, например: 1. Древнейшие памятники *русского извода* столь же надежны как и оригинальные тексты, так как писцы умело отражали свое произношение и не следовали целиком традиции, идущей из памятников старославянского языка; 2. В работе осуществлен показ и признание важности надстрочных знаков, которые помогали передавать живое произношение пишущих; 3. Дан обильный материал замены слабых *ъ* и *ь* через *о* и *е*, т. е. вскрыта акустическая близость их к *о* и *е*; 4. Убедительно показана роль неорганических гласных, широко представленная в определенных сочетаниях согласных. Последнее наблюдение хорошо иллюстрирует положение о том, как фонетика и морфология смыкаются в сложном комплексе взаимодействий.

Менее разработанным в фонетике оставался вопрос о природе и происхождении такого специфического явления нашего языка как аканье.

Нужно отдать должное журналу „Вопросы языкознания”, который поставил на очередь освещение этой темы и за последние годы посвятил ей ряд статей. Правда, с моей точки зрения, большая часть их не представляет особого интереса. Ценными являются две статьи: В. В. Колесова „О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье” (1964, № 4) и Г. А. Хабургаева „О фонологических условиях развития русского аканья” (1965 г. № 6). Обе статьи отмечают недостаточность учёта лишь фонетических данных, говорят о необходимости учёта фонологических условий, способствующих этому процессу. Большого признания и внимания заслуживает первая статья, в которой автор говорит о необходимости учёта таких явлений как *ассимиляция* (топерь—теперь; мезинец—мизинец; седишь—сидишь); *диссимиляция* (скажомъ, мужом); *разрыв значений* (богат/багат—бог; колач/калач—коло); *подвижность ударения* (гора/гара—гор, горка) *долгота или краткость корневого гласного* (грамота, лепота и т. д.) и многое другое.

В конечном итоге убедительно показано, что на первом этапе развитие аканья осуществлялось не фонетическими, а фонологическими факторами.

В этом разделе науки о нашем языке пока у нас имеется отставание в разработке вопросов акцентологии вообще и особенностей русского ударения в общей системе славянских языков.

Что касается разделов грамматики, то думается, что в морфологии уже почти нет тёмных мест, и едва ли возможны какие-либо новшества.

Однако в Советский период появилось много ценных обобщающих работ, перечень которых занял бы огромное количество листов. Назову лишь некоторые из них: С. П. Обнорский „Именное склонение в Современном русском языке” (ч. I и II — 1927 и 1931 г.); Его же „Очерки по морфологии русского глагола” (1953), в которой впервые делается попытка определить природу личных флексий глагола, особенно 3 лица ед. числа и мн. числа; С. Д. Никифоров „Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века” и другие.

Ценнейшие работы по современному языку и его истории принадлежат крупнейшим учёным наших дней: Р. И. Аванесову, В. И. Борковскому, Л. А. Булаховскому, В. В. Виноградову, Е. М. Галкиной-Федорук, Е. В. Карскому, Б. А. Ларину, Б. М. Ляпунову, И. И. Мещанинову, С. П. Обнорскому, Ф. П. Филину, Ф. Ф. Фортунатову, В. И. Чернышеву, А. А. Шахматову, Л. В. Щербе, Л. П. Якубинскому и ряду других.

Иное положение с синтаксисом. Вопросы синтаксиса затрагиваются уже и в ранних грамматиках. Если в грамматике Зизания (1596 г.) еще нет раздела синтаксиса, то у М. Смотрицкого (1619 г.) уже имеется определение „Слова”, т. е. предложения, отмечаются особенности синтаксиса простого и образного. В грамматике Юрия Крижанича (1666 г.) говорится о влиянии классических языков и оборот *дательный самостоятельный* представляется заимствованием из греческого языка. О природе и характере этого оборота по существу и до настоящего времени нет единой точки зрения. Одни считают его оборотом, который самостоятельно развивался на славянской почве (Миклошич, Вондрак), другие продолжали считать его видоизменением греческого оборота *genetivus absolutus* (Востоков, Буслаев). Нет единства и в наши дни, несмотря на интересную работу Перегонцевой—Граве „Дательный самостоятельный в русском литературном языке XII—XVII вв.”² Автор стоит на позиции исконности этой конструкции на славянской почве и на большом материале показывает своеобразное развитие ее на восточнославянской территории вне зависимости от воздействия старославянского языка.

Подлинной грамматикой русского языка, по общему признанию, является „Российская грамматика” М. В. Ломоносова. Хотя термина *синтаксис* в ней и нет, но всё шестое наставление „О сочинении частей речи” посвящено синтаксису. Однако уверенно можно сказать, что подлинно глубоко историческое изучение вопросов синтаксиса относится лишь к концу XIX века. Начало ему положено трудами Буслаева и Потебни, а достойное продолжение и расцвет осуществляется лишь в наши дни. Появление ряда работ, посвященных исследованию синтаксических особенностей ряда памятников прошлого, было отрядным и ценным явлением. Так труды Е. С. Истриной,³ В. И. Борковского,⁴ Е. Ф. Карского⁵ и др. вызвали огромный поток исследований, диссертаций, статей, в которых освещались самые различные вопросы синтаксиса как прошлого, так и современного состояния языка. Это обилие соответствующей литературы дало возможность создать монографии по историческому синтаксису русского языка. Следует назвать в первую очередь „Синтаксис русского языка” А. А. Шахматова, первое издание которого вышло в 1925 г., а второе в 1941 г., затем книгу Т. П. Ломтева „Очерки по историческому синтаксису русского языка” (изд. МГУ, 1956); его же работу „Основы синтаксиса современного русского языка” (изд. Учпедгиз, 1958); исследования Я. А. Спринчака „Очерк русского исторического синтаксиса”, ч. I. Простое предложение и ч. II. Сложное предложение (изд. Радянська школа, Киев, 1960 г. и 1964 г.).

Наличие этих исследований дало возможность включить раздел синтаксиса и в учебные пособия по исторической грамматике русского языка. Если очень ценные „Лекции по истории русского языка” А. И. Соболевского даже в четвертом издании 1907 г. еще не имели раздела синтаксиса, то в „Исторической грамматике русского языка” П. Я. Черных (изд. Учпедгиз, 1952) этот

² Кандидатская диссертация. Ленинград, 1955 г.

³ „Синтаксические явления Синодального Списка I Новгородской летописи”. Петроград, 1923 г.

⁴ „Синтаксис древнерусских грамот” (Простое предложение). Изд. Львовского гос. университета, 1979 г.

⁵ „Синтаксис древнерусских грамот” (Сложное предложение). Изд. АН СССР, Москва, 1958 г.

⁶ Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. „Известия АН СССР”, 1929 г. т. П.

раздел, в скромном еще виде представлен. Все последующие учебные пособия включают его в достаточно богатом объеме. Все это бесспорные достижения нашего времени.

Мощный рост языкового творчества в плане пополнения лексических богатств языка вызван теми изменениями, которые принес нам Октябрь 1917 года. Новый государственный строй, изменения в нашей общественной структуре, в мировоззрении, в жизненном укладе, рост науки и техники вызвали бурный рост лексики, столь необходимой для жизни наших дней.

Все это способствовало росту лексикологии и, конечно, лексикографии.

Мы в праве, имея в виду прошлое, гордиться и нашими *азбуковниками*, и „Лексиконом славеноросским” Памвы Берынды (изд. 1627 и 1653 г.) и „Лексиконом Трезязычным” Поликарпова (начало XVII в.), „Словарем церковно-славянского и русского языка 1847 г.”, к показаниям которого мы обращаемся и сейчас, первым академическим словарем (1789—1794 гг.); „Толковым словарем живого великорусского языка” Даля; „Материалами для словаря древнерусского языка” Срезневского и т. д.

В Советский период происходит бурный подъем и рост лексикографии, который, естественно, явился следствием исключительного внимания к лексическим богатствам своего языка, к дальнейшему сбору их и умелой классификации. В этом плане сделано исключительно много. Созданы словари современного литературного языка, начиная от однотомию, затем 4-х-томные и, наконец, последний 17-томный словарь АН СССР.

Создаются словари языка писателей. Уже мы пользуемся Словарем А. С. Пушкина, а разработка других словарей осуществляется: так создается Словарь М. В. Ломоносова (Казанский университет); Словарь Горького (Ленинград, Саратов, Рига и др. города), Словарь В. Маяковского (Ленинград. Пед. институт им. А. И. Герцена). Следует отметить внимание к такой отрасли лексики как фразеология. Достаточно сказать, что в книге „Проблемы фразеологии”, (изд. „Наука” 1964 г.), в статье В. П. Сергеева „Библиографический указатель литературы по фразеологии”, изданной в СССР с 1918 г. по 1961 г. имеется 892 названия. А сколько напечатано после 1961 года. Какое количество не только статей, а монографий, диссертаций выходит сейчас.

Окружена вниманием и живая разговорная речь, сохраняющаяся еще в разных уголках нашей страны. Создаются словари народных говоров двух типов: а) Словари полные, с историческими данными, как например, Псковский словарь (Лен. Гос. Университет) и Брянский словарь (Лен. Гос. Пед. Иститут имени А. И. Герцена и б) словари дифференциальные, например, „Словарь русских народных говоров” АН СССР. Уже имеются два его выпуска (на буквы А и Б — блазнить) 1966 г.

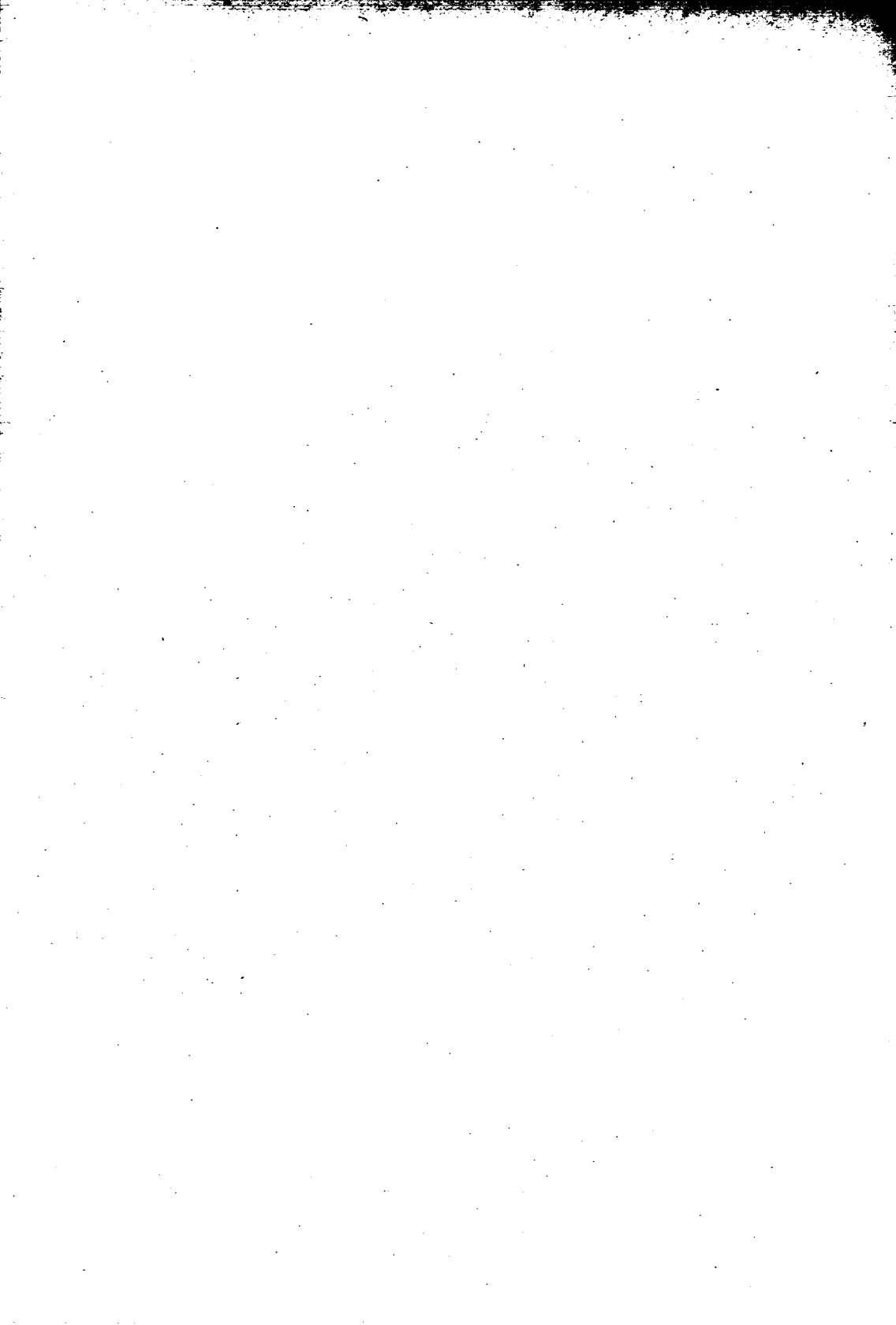
Следует назвать такие, уже вышедшие в последние годы словари, как „Краткий Ярославский областной словарь (Ярославль, 1961 г.); „Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики” (Рига 1963 г.); „Словарь русских говоров Сребного Урала” (Свердловск, т. I 1964 г.) Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна Оки” (Томск, т. I и II 1964 г. и 1965 г.) и ряд других.

Должно быть учтено переиздание Словаря Даля, „Материалов” Срезневского. А как высоко следует оценить внимание к памятникам прошлого. Перечень их изданий занял бы большое количество страниц. Трудно воздержаться и не назвать хотя бы такие издания как „Изборник 1076 г.” и роскошные издания 450-ти берестяных грамот, этой ценнейшей находки наших дней.

Их издания осуществлены трудами А. В. Арциховского, М. Н. Тихомирова и В. И. Борковского.

В одном отношении Советская наша наука в долгу и заслуживает справедливого упрека. Несмотря на богатейшую картотеку для Словаря древнерусского языка, мы словаря еще не имеем.

Некоторое отставание имеется в работе над этимологическими словарями. Но общий подъем, стремительный ход, а в некоторых областях прямо бурный рост советской науки о языке рассеивают всякие сомнения, связанные с будущим указанных областей. Есть все основания полагать, что указанное отставание в скором времени будет преодолено.

К ФОНЕТИКЕ ДРЕВНЕПСКОВСКОГО ГОВОРА

И. Х. Тот

1. Заслуга открытия одной из важнейших и наиболее проблематичных фонетических особенностей древнепсковского говора принадлежит Л. Л. Васильеву и Н. Каринскому. Они впервые отметили, что в древнепсковских памятниках на месте общесл. **tl*, **dl* обнаруживается сочетание *kl*, *gl*: *бюгли ся*, *привегли*, *соустрекли*, *чькли*.¹

Все исследователи согласны в том, что сочетания *kl*, *gl* действительно представляют собой важную особенность древнепсковского говора.** Однако сочетание *kl*, *gl* на месте общесл. **tl*, *dl* объясняют по-разному.

Л. Л. Васильев возводит группу *gl* к общесл. **dl*.²

Н. Каринский — напротив — не считает *kl*, *gl* рефлексами общесл. *tl**, **dl*. По его мнению *kl*, *gl* в причастиях прош. врем. на — *ль* возникли путем аналогии.³

А. И. Соболевский высказал гипотезу, согласно которой данное явление восходит к общесл. языку, в определенных диалектах которого, группа **tl*, **dl* не изменилась в *l*, а перешла в *kl*, *gl*. С течением времени один из этих говоров общесл. языка вошел в состав русского языка.⁴

А. А. Шахматов придерживается того мнения, что сочетание *kl*, *gl* в принципе можно объяснить двояко: или как результат грамматической аналогии, или как польское заимствование.⁵ Однако первое толкование было бы возможно только в том случае, если бы сочетание *kl*, *gl* было бы представлено только причастием на-ль *ль*. Имея в виду, что наличие *kl*, *gl* не ограничивается категорией причастия прош. вр., а присуще и именам существительным, А. А.

¹ Л. Л. Васильев: О случае сохранения общеславянской группы = *dl* = в одном из старых наречий русского языка. РФВ. 1908. № 4.

Н. Каринский: Язык Пскова и его области в 15 в. СПб. 1909. стр. 184—186.

² Л. Л. Васильев: там же.

³ Н. Каринский: Указанная работа, стр. 185—186.

⁴ А. Соболевский: Важная особенность старого псковского говора. РФВ. 1909. т. 62. стр. 231—235.

⁵ А. А. Шахматов: Введение в курс истории русского языка. Петроград, 1916. стр. 60.

** Мы должны заметить, что сочетание *kl*, *gl* < общесл. *tl*, *dl* известны и из памятников не псковского происхождения и из современных русских говоров за пределами псковских. Сведения о них можно найти у А. А. Шахматова (Очерк древнейшего периода истории русского языка, Петроград, 1915. стр. 102.) Т. Лера Сплавинского, *Stosunki pokrewieństwa języków ruskich*, Studia... Warszawa, 1957. 284—285. Что касается других славянских языков, результаты новейших исследований разбираются в книге: А. Furdal: *Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego*. Wrocław, 1961. 27—31.

Шахматов объяснил происхождение сочетания *kl, gl* следующим образом: „Я считаю гораздо вероятным и правдоподобным признание указанной звуковой черты в древнепсковском наречии наносной, зашедшей с запада, обязанной влиянию польского языка”.⁶ Что касается теории А. А. Шахматова, то мы отметим, что Б. А. Ларин был того мнения, что слова *жерегло, жагло* по своему фонетическому облику не могут быть заимствованиями из польского языка. В последнем случае мы имели бы из *ządło żudło, *żugło* или **żogło* из *źródło, *źrudło, < żrugło*⁷.

2. Интересно, что сочетания *kl, gl* встречаются в памятниках и современных говорах главным образом в причастиях прош. вр. на *-ль*. Это обстоятельство послужило поводом для Каринского видеть в таких примерах как *привегли, чькли* явление морфологической аналогии. Таким образом при изучении истории сочетаний *kl, gl* решающее значение имеет вопрос количества тех форм, в которых происхождение группы *kl, gl* нельзя объяснить действием грамматической аналогии.

В исследованной нами специальной литературе мы встретили следующие случаи с *kl, gl*, в которых интересующее нас сочетание не объяснимо аналогией. *Жерегло* из псковских писцовых книг. Это слово дало А. А. Шахматову возможность толковать наличие *kl, gl* как явление действительно фонетическое.⁸ Из современных А. А. Шахматову псковских говоров известно *жерогло*.⁹ Из псковской топонимии А. И. Лебедева приводит *Жерегло*¹⁰ (поле), обнаруженное в записях диалектологической экспедиции. *Жагло* слово, открытое также А. А. Шахматовым, встречалось в современных ему псковских диалектах. Но оно известно и из бывшего лужского уезда.¹¹ Это слово сохранилось и в топонимике в названии *Жаглово*, известном из писцовых книг 16 в.¹² Что касается слова *жагло* интересно, что оно не является бесспорным доказательством в пользу изменения сочетания* *dl* в *gl*. А. М. Селищев высказал предположение о том, что псковское *жагло* не соответствует русскому *жало*, а представляет собой иное образование от корня* *žeg* —. Таким образом оно не может свидетельствовать — по А. А. Селищеву — об изменении* *dl > gl*.¹³ Предположение его заставляет исследователей осторожно отнестись к этому слову как доказательству наличия процесса изменения* *dl* в* *gl*. Ф. П. Филиным было отмечено слово *саглице* (сало) в говоре деревни Гоголяк. В нем на месте сочетания* *dl* также имеется группа *gl*¹⁴.

Воняга (пожня) как географическое название встречается в псковских писцовых книгах. Неизвестный до сих пор пример сочетания *gl* был введен в научный оборот А. И. Лебедевой.^{14а}

⁶ Б. А. Ларин: Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи. Очерки истории языка. Л. 1960. стр. 11.

⁷ Б. А. Ларин: Указанная работа, стр. 11.

⁸ А. А. Шахматов: Введение . . . стр. 31.

⁹ А. А. Шахматов: Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915. стр. 338.

¹⁰ А. И. Лебедева: Значение топонимии для исторической диалектологии. В сборнике „Очерки истории языка”. Л. 1960, стр. 181.

¹¹ А. А. Шахматов: Очерк . . . , стр. 338.

¹² А. И. Лебедева: Указанная работа, стр. 181.

¹³ А. М. Селищев: Славянское языкознание. М., 1971, стр. 302.

¹⁴ Ф. П. Филин: Образование языка восточных славян. М.-Л., 1932, стр. 186.

^{14а} А. И. Лебедева, Указанная работа, стр. 181.

Из слов с сочетанием *kl, gl*, бытующих вне псковских говоров, мы еще можем привести слово *негла* (=лиственница), известное из говора бывшего каргопольского уезда, из говора бывшей Владимирской губернии.¹⁵ Оно фигурирует и в форме *мегла, меглица*.¹⁶ Как видно из наших примеров *негла* имеет сравнительно большое распространение в русских говорах.*** Особенного внимания заслуживает название деревни новгородской области *Егла*, приводимое Б. А. Лариным.¹⁷

Как видно из приведенного перечня, количество слов с сочетанием *kl, gl* из общ. **tl, *gl* невелико. Поэтому, каждое слово, в котором сочетание *kl, gl* не объяснимо аналогией, имеет важное значение для изучения вопроса о происхождении интересующих нас сочетаний. Мы должны искать новые примеры с *kl, gl* на месте общесл. **tl, *dl*. Наши поиски могут идти в двух направлениях: в области исследования псковских говоров и памятников псковской старины. Что касается современных псковских диалектов с точки зрения наличия в них сочетаний *kl, gl* А. И. Лебедева отмечает следующее: „ в живых псковских говорах мы не находим слов, сохранивших группу *gl* вм. *л* типа *жагло, жерегло*, а в топонимике это явление сохраняется”.¹⁸ Это значит, что за исключением топонимике современные псковские говоры не дают материалов для изучения данного вопроса. Это обстоятельство заставляет нас обратиться к памятникам. Они несомненно могут предоставить в распоряжение исследователей новые данные о сочетании *kl, gl*.

3. В Новых псковских грамотах 14—15 в., изданных Л. М. Марасиновой можно обнаружить один, до сих пор неизвестный из памятников, случай сочетания *gl* на месте общесл. *dl*.

В грамоте № 9 читаем следующее: *путь кроими до ручья до егли до края, от егли ручьем вниз*.¹⁹

Грамота № 9, восходящая к 14—15 вв., не сохранилась в подлиннике. Копия ее сделана была около 1678 г.

Так как в данном случае мы имеем дело с копией, прежде чем приступить к анализу ее данных, мы должны поднять вопрос о ее достоверности.

Грамота № 9 хорошо отражает особенности живого русского языка. Наряду с ними в ней можно встретить и псковские диалектизмы.

Из характерных фонетических и морфологических черт нашего источника отметим следующие. В области фонетики заслуживает внимания:

1. Полногласие: *борозду, березовыи, огородою, бороздою, стороне*
2. Префикс *роз*: *розменища ся, розмена, розмену*
3. *е* на месте *е*: *розменища, на прислоне, ко Ананьине земли, розмена, из липе, обе стороны* и пр. Вообще характерно для грамоты № 9 употребление буквы *е* вм., *е* за исключением 2 случаев.
4. *е > о* после согласных: *берозовый, берозового, машок*.

¹⁵ А. А. Шахматов: Очерк . . . , стр. 102.

Вл. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка М., 1881. т. стр. 509.

¹⁶ Jalo Kalima: Slaavilaisperäinen sanastomme. Helsinki, 1952, стр. 123—124.

¹⁷ Б. А. Ларин: Указанная работа, стр. 12.

¹⁸ А. И. Лебедева: Указанная работа, стр. 182.

¹⁹ Л. М. Марасинова: Новые псковские грамоты. М., 1962, стр. 312.

*** Заслуживает внимания тот факт, что Т. Лер-Сплавинский считает характерным для всего комплекса древних северновеликорусских говоров сохранение сочетаний **tl, *dl* и переход их в *kl, gl*. В его толковании эта особенность не только местная, псковская, но общая черта севернорусских говоров в прошлом. (Ср.: Tadeusz Lehr-Splawinski, Początki Słowian, 1946. стр. 49.)

5. Аканье: нагою, яблан, яблану, с Гарбамь
6. Изменение конечного *e* в *a*: *взяша Олфери*, внутри Слова *машок*.
7. Употребление *o* на месте *a*: *Онаньего*, *Онаньи* и пр.
8. ч на месте ц: *сочке*, *сочке*

В области морфологии находим следующие особенности:

1. Флексия *-e* в р. п. ед. ч. существительных и кратких прилагательных ж. р. в твердом варианте склонения: *ото Астафьине земли*, *от Аксеньтыве межи*, *до Демидове земли*, *из липе* и пр.

2. флексия *-e* в им. п. ед. ч. прилагательных м. р.: *сочке*, *сочке*. Имея ввиду эти фонетические и морфологические черты грамоты, хорошо отражающей особенности живого языка, можем не сомневаться в том, что формы *егли* нельзя считать описками. Они действительно существовали в древнепсковском говоре. Этому предположению не противоречит тот факт, что в грамоте № 28 употреблена общерусская форма *ель*: *въ ель*, *от ели*.²⁰

Из данных наших грамот видно, что *ель* часто употреблялась при земельных сделках как межевой знак.

Предположение о сочетании *gl* на месте общесл. **dl* становится более вероятным, если мы сравним слово *егль* (в грамоте № 9 в форме р. и ед. ч.) с данными современных русских диалектов и топонимики. Его разновидности: *негла*, *нёгла*, *мегла*, *меглица* (ср. выше) и географическое название деревни *Егла* дают нам основу утвердить, что форма *егли* представляет собою характерное древнепсковское видоизменение общесл. сочетания **dl*, восходящего к общесл. **edlь*.²¹

Данные грамоты № 9 обогащают наши сведения о распространении сочетания **gl*, **dl* в древнепсковском говоре. Тот факт, что в этом случае невозможно морфологическое объяснение *gl*, дает нам ценное доказательство фонетического происхождения изменения сочетания **dl* в *gl*.

4. Интересно сравнить слово *егль* с данными некоторых неславянских языков и таким образом найти более широкий круг случаев перехода сочетаний **tl*, **dl* в *kl*, *gl*.

В эстонском языке имеется слово *mogl* (*muigl*, *mügl*), в котором сочетание *gl* восходит к общесл. **dl* < **mydlo*. Тот факт что в эстонском слове на месте **dl* имеется — *gl* делает вероятным предположение о том, что оно было заимствовано из языка предков псковитян. Подобным образом и эстонское *vigl* (*as*) восходящее к общесл. **vidl-* и имеющее тоже группу *gl* < **dl* указывает своим фонетическим обликом на то, что оно было заимствовано из языка кривичей.²² На основе этих данных можно предположить, что когда-то в древнепсковском говоре сочетания *kl*, *gl* были довольно распространены. Следы этой группы можно обнаружить у существительных: *жерегло*, *жагло*, *егль*, *саглице*, **myglo*, **vigl-*, в географическом названии *Вонягла*.

5. Рассмотрев соотношение формы *егли* с другими примерами древнепсковского говора, мы хотим сказать несколько слов о ее происхождении. Ее звуковой облик исключает возможность морфологического объяснения.

Однако возникает вопрос о том, можно ли его считать — в этом звуковом облике — свойственным псковским диалектизмом, или по происхождению

²⁰ Л. М. Марасинова: Указанная работа, стр. 65.

²¹ F. Sławski: Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków. 1952—1956. стр. 582.

²² Valentin Kiparsky: Russische historische Grammatik, Heidelberg. 1963. стр. 130.

оно является наносным. Поставить такой вопрос заставляют нас следующие обстоятельства.

1. Известно, что в польских говорах помимо формы *jodla* известные некоторые ее разновидности: *jegleja*, *jegla*, *jeglina*, *gliglija*, *gleglija*. Ян Розвадовский считает, что эти разновидности польского существительного *jodla* возникли под влиянием литовской формы: *ėgle*, *ągle*.²³ Наличие формы *jegla* дает нам право сомневаться в оригинальности древнепсковского слова **eglb*. Однако, имея ввиду тот факт, что формы с *gl* в *негла*, *мегла*, и в географическом названии *Егла* встречаются и в таких говорах русского языка, где невозможно предположение о польском влиянии исключает возможность польского, т. е. ляхского происхождения данной формы. Мы ссылаемся здесь только на то, что теория А. А. Шахматова о ляхском влиянии на некоторые северозападные говоры древнерусского языка не подтвердилась современной наукой.²⁴

2. В литовском языке русскому *ель* соответствует *ėgle*. Учитывая предполагаемые учеными связи древнепсковского говора, с литовским языком, мы можем поднять вопрос о том, не является ли **eglb* заимствованием из литовского языка. При ответе на этот вопрос надо обратить внимание на следующие моменты.

а) Наличие интересующего нас слова в тождественной звуковой форме в других русских говорах, где о литовском влиянии не может быть и речи, исключает предположение о литовском происхождении данного существительного.

б) Предположить литовское заимствование или литовское влияние в слове **jeglb* было бы уместно, только в том случае если бы это существительное было бы единственным примером с сочетанием *gl*. Наличие ряда слов с группой *gl* на месте общесл. **dl* в древнепсковском говоре не дает нам возможности принять гипотезу о литовском влиянии или заимствовании из литовского языка.

в) Грамота № 28 указывает, что слово *ель* встречалось в древнепсковском языке. Трудно представить себе при общности, тождественности значения, новое заимствование из литовского.

6. Подытоживая сказанное выше, мы можем сказать о форме *егли* следующее:

1. Слово в данном звуковом облике действительно существовало в древнепсковском говоре.

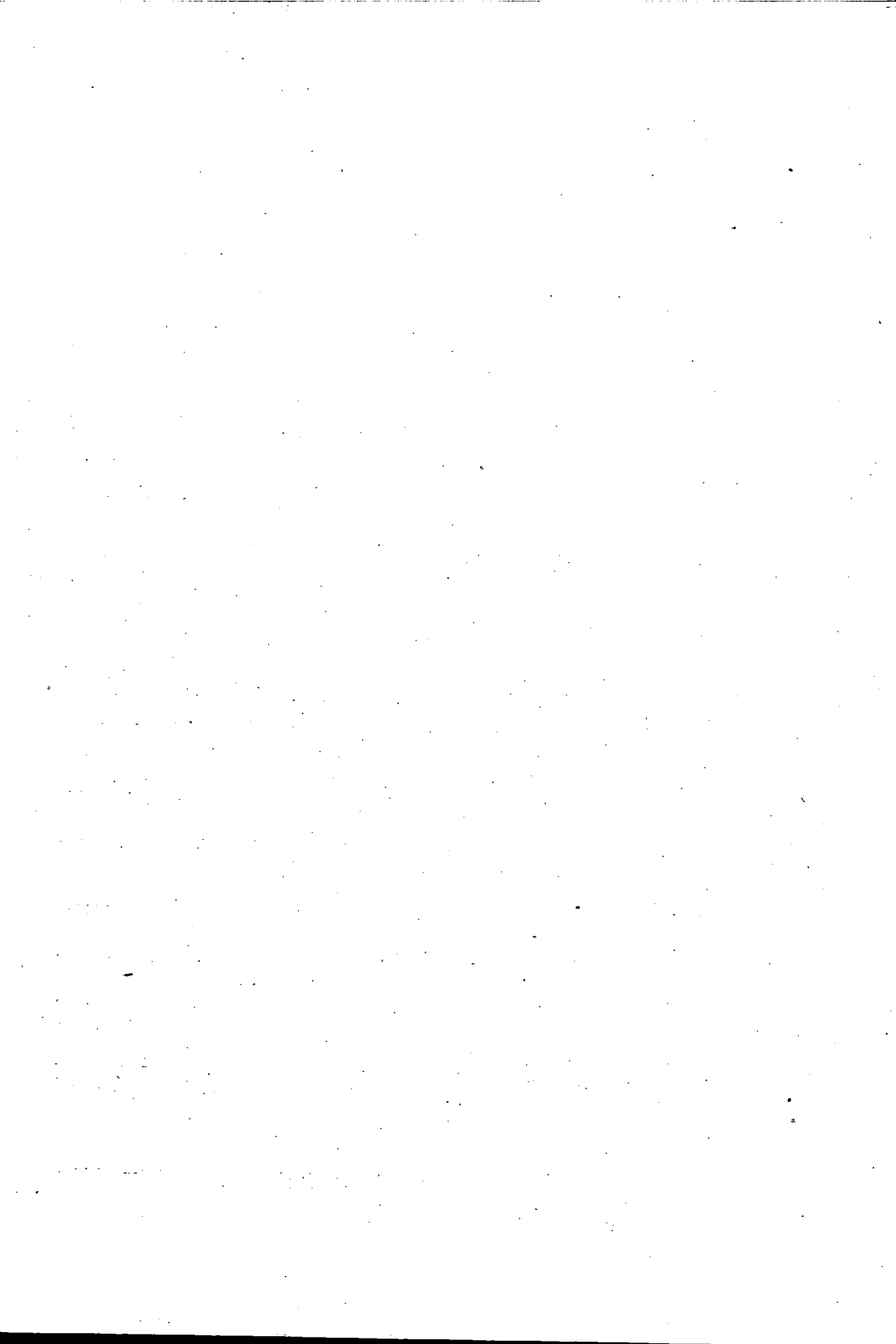
2. Сочетание *gl* в этом существительном не подтверждает объяснение Н. Каринского о морфологическом происхождении *kl*, *gl* на месте общесл. **tl*, **dl*.

3. Имея в виду соответствия — с точки зрения звуковой формы — в других русских говорах и географическое название *Егла*, мы не можем объяснять сочетание *kl*, *gl* на месте общесл. **tl*, **dl* ляхским влиянием. Влияние литовского языка на возникновение сочетания *gl* в данном случае также не является возможным для нас.

4. Наши замечания относятся только к одной форме одного слова, и мы не ставили перед собой целью решение вопроса о происхождении сочетания *kl*, *gl* на месте общесл. **tl*, **dl* в древнепсковском говоре.

²³ Jan Rozwadowski: O pierwotnym stosunku wzajemnych języków bałtyckich i słowiańskich. Wybór pism. Warszawa. 1961. стр. 109.

²⁴ Valentin Kiparsky: Указанная работа, стр. 130.

К ИСТОРИИ СИСТЕМЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

(на материале Познанской рукописи № 94)

П. Шонкой

В познанской библиотеке Рачинских хранится сборник, который зарегистрирован в первом томе каталога библиотеки как рукопись № 94. Он состоит из шести частей. На интересующих нас страницах 1—291 имеются произведения: 1. Почынаеть ся* повесть о витезехъ с книгъ сэрбскихъ, а звлаща о славномъ рыцэры Трыщане, о Анцолоте и о Бове и о иныхъ многихъ витезехъ, стр. 1—127; 2. ИсторыЯ о княжати Кгвидоне, стр. 129—171; 3. ИсторыЯ о Атыли, короли угорьскомъ, стр. 173—224; 4. Летописецъ великого князства Литовьского и Жомойтского, стр. 225—291. Эти 4 произведения в языковом отношении составляют единое целое; они написаны одной и той же рукой — за исключением незначительных отрывков. Первая и вторая повести представляют собой переводы с итальянского текста на „белорусский” язык, как говорит Н. К. Гудзий.¹ „ИсторыЯ о Атыли” — также переводное произведение, путь которого таков: с латинского оригинала венгерского гуманиста Николая Олаха перевёл его на польский язык Циприан Базылик,² а перевод с польского языка на „западнорусский” был совершен неизвестным переводчиком. Четвертый текст сборника — „Летописецъ” — один из ряда списков, возникших в XVI в. Все эти тексты с полным правом могут быть отнесены к XVI в. Остальные страницы 293—344 были включены в сборник только позже. Анализу подвергаются поэтому лишь те части, которые можно считать за единое и которые возникли в приблизительно один и тот же отрезок времени.

Описывая переводы западных повестей на русской почве, Н. К. Гудзий замечает, что названные выше произведения являются переводами на „белорусский” язык.³ И. Н. Голенищев—Кутузов говорит о западнорусском, т. е. „украинско-белорусском” языке.⁴ А. Брюкнер называет также „белорусским” язык этих переводов.⁵ В статьях, посвященных проблемам восточнославянских языков, встречаются даже термины „польско-русское наречие”, „литовско-

* По техническим причинам вместо букв „ять” и „юс малый” печатаются е и я с жирным шрифтом.

¹ И. К. Гудзий: История древней русской литературы. Москва. 1963, стр. 454.

² И. Н. Голенищев—Кутузов: Гуманизм у восточных славян. Москва. 1933, стр. 65.

³ И. К. Гудзий: Указанная работа, стр. 454.

⁴ И. Н. Голенищев—Кутузов: Указанная работа, стр. 34.

⁵ A. Brückner: Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräfllich — Raczynskyschen Bibliothek in Posen. Archiv für slavische Philologie, Band IX, 1886, 345.

русский язык⁶, „польско-малорусско-русское наречие“⁶ и др. Все эти термины касаются одного и того же — старобелорусского языка. Неуверенность и колебания в определении данного языка в дореволюционных работах объясняются сложным характером его. Все новейшие работы по этому вопросу подчеркивают тесную связь между русским, украинским и белорусским языками XVI—XVII вв. и общность их развития.⁷

Белорусский характер языка рассматриваемых произведений обнаруживается особенно в его фонетической и морфологической системе, хотя представлены в нем далеко не все особенности позднейшего белорусского национального языка (графически не отражено существенное явление дзеканья; суффиксом инфинитива является исключительно -ти; в 3-м лице ед. ч. и мн. ч. у глаголов в наст. вр. личным окончанием выступает всегда — ть, и т. д.). В его лексике — много полонизмов. Вопреки указанным чертам — это тот „русский“, т. е. белорусский язык, который применялся в Литовском княжестве как официальный язык общения и на основе которого, после воссоединения Белоруссии с Россией, развился белорусский национальный язык,

И в системе склонения существительных имеется упомянутая выше сложность: наряду со старыми падежными формами употребляются и новообразования.

Основы на гласные

Основы на -а, -ја

В этой группе имен существительных достойны замечания некоторые явления: сущ. с прежней основой на -ї переходит в склонение основ на -ја: *уезжала у постелю* 153; сущ. -а основы получают форму -о основ: *некоторый воевод* 205; сущ. типа *господарыни* представлено формой *господарыня* 6,76. Сущ. *братья* употреблено в двояком значении: *братья моя* 239, и для выражения множественности *братья просили его* 247,289.

Существительные мягкой разновидности испытывают влияние твердой разновидности; в род. п. ед. ч. они располагают флексиями -ы, -и: *з оное фляшы* 68, *з оное сторожы* 91, *цветь от рожы* 89, *до шыбеницы* 145, *с темницы* 102, *до ложы* 153; *до стайны* 153, *с постели* 166, *з болгарское земли* 264, *польтрети недели* 273. В дательном падеже применяются параллельные формы: после бывших мягких конечных согласных *ж ш ч, щ, р* стоит флексия -ы: *жадной души* 27, *по улицы* 90, *къ Оршы* 254, *къ вечера* 120 (от „вечера“ = ужин), *мне злочастницы* 151, *той Бруновицы* 76, *къ той рожы* 89, *к ратушы* 290; остальные существительные с прежней основой на -ја получают флексию -и: *ку воли* 129, *къ Брагини* 34, *по земли* 29. Сущ. -а основы в дат. п. оканчиваются на -е: *ку зраде* 15, *къ кольбе* 55, *шляхте* 225; исконная флексия *ять* встречается всего в двух случаях: *к той воде* 44, *сестре* 105. По форме дат. п. выделяются в особую группу существительные -а основы, у которых конечным согласным является -к; они сохраняют согласный, возникший по второй палатилизации, а после отвердения согласного *ц* исконная флексия изменилась и перешла в -э: *рекь девцэ* 3, 6, 8, *къ ласцэ* 14, *дочцэ* 41, *малжонцэ* 87, *по матцэ* 223, *той жонцэ* 252.

⁶ В. И. Борковский: Изучение белорусского языка в дореволюционное и советское время. Москва, 1928, стр. 110.

⁷ См. сборник статей „Вопросы образования восточнославянских языков“. Москва, 1962; „Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков“. Одесса, 1958 и др.

В местном падеже у имен существительных этого типа чередуются флексии *-и, -ы, -е, -э*; флексия *-и* обнаруживается у существительных с прежней основой на *-ја*, кроме тех у которых перед конечным гласным имеются согласные *ж, ш, щ, ц* и (бывший мягкий) *р*: у *зброи* 12, *въ твоей лоды* 21, *въ иншой земли* 23, *пры студни* 44, у *одной кошели* 279, у *одной опати* 78, *въ той стайни* 151, на *другой неделе* 242, у *конюшни* 136, *въ Паньнонеи* 173, *в наеди* 52; согласный *ч* является также твердым, но в настоящих тестах нет ни одного примера с конечным слогом *-ча*; падежную форму на *-ы* мы находим у существительных с конечными согласными в им. п. ед. ч. *ж, ш, щ, ц, р пры вечера* 135, *по зоры* 13, у *ложницы* 5, у *гостилницы* 9, *въ темницы* 16, на *правицы* 225, на *границы* 232, на *пуцы* 238; окончание *-э* наблюдается после отвердевшего *ц* из *к*: у *ласцэ* 4, *в руцэ* 11, *в такой муцэ* 90, у *парцэ* 159, на *рецэ* 230, *пры матцэ* 289; все остальные существительные получают флексию *-е*: на *могиле* 2, у *воде* 12, на *службе* 18, *о ее красе* 41, на *сей дорозе* 108, на *позлузе* 215, у *дружине* 233, на *тетиве* 217, у *турме* 146.

Твор. падеж ед. ч. представлен формами на *-ою, -ею*: *з мачохою* 11, *розличу тя з душою* 105, *вдарыл его бовдицою* 149, *прозбою* 121, *не тужы зброею* 31, *под гунею* 149, *зъ княгинею* 253.

Звательная форма представлена многими примерами: *девко* 3, 122, *госпожо* 5, *дочко* 17, *паньно* 6 раз, *сестро* 78, *матко божья* 147, *курво* 141, *паньна* 33, *господарыне* 30, и др.

Категория одушевленности во множественном числе только складывается; в вин. п. преобладают формы, совпадающие с именительным: *зоставившы жоны* 176, *гневна на тые суды* 99, *отогналь вси слуги* 120, *рыбы продати* 148, *тые мои овцы горлом даруйте* 205, *свои старосты посадиль* 261 при редких формах *жонокъ на колье тыкали* 254, *послалъ воеводъ своих* 274.

Во множ. числе обращают на себя внимание формы твор. п. *с тыми шляхты* 226 (от польск. шляхта), и местн. п. *въ каплицыхъ* 278 (от польск. каплица).

Основы на *-о, -јо*

Имя сущ. с прежней основой на *-і* *тень* переходит в склонение основ на *-јо*: *убачыль тень человечесый* 87. С точки зрения венгерской лексики могут вызвать интерес слова *выжла* 18 — вин. п. ед. ч. и *остень* 190 — им. п. ед. ч.

В род. п. ед. ч. по употребительности занимают господствующее положение формы на *-а, -я*, причем можно наблюдать и формы на *-у, -ю* у существительных мужского рода в следующих случаях: 1. чаще всего — после отрицания (12 раз): *не было снегу* 273, *не мей на него гневу* 15, *не можь скрыти тению своего* 87, *не видель гелму* 116, *квалту не будеть* 109. 2. для обозначения признака предмета или лица (7 раз): *великого роду человекъ* 19, у *зверехъ розного рожая* 226, *чудного цвету венокъ* 111. род. п. для обозначения причины действия: *для дождчу и для ветру* 23, *с того плачу* 72, *от траху* 247, *от смутку* 102; 4. род. п. для обозначения места и времени действия: *посередь рынку* 284, *выйти з граду и зъ замку* 125, *до троснягу* 215, *до его часу* 14, *за нашего веку* 183, *отъ початку сотворенья света* 225. Род. принадлежности формой на *-у* выражается очень редко.

Форма вин. п. ед. ч. у имен существительных одушевленных в большинстве случаев совпадает с формой родительного падежа, исключения составляют немногочисленные примеры типа *онъ селъ на конь* (9 раз) при форме *вселъ на коня* (8 раз) и *просим тя про богъ* 7, *проси про богъ* 150. Сущ. *балвань* склоняется как одушевленное: *вчынили балвана* 227.

В дательном падеже ед. ч. имена существительные, обозначающие лиц или олицетворенные понятия, могут заимствовать флексию *-у*, основ на *-й*: *Матэрнови* 179, *тому Азчыусови* 185, *Тэодорыкови* 185, *гэтманови* 190, *дана королеви* 287, *Марсови* 189, *облюбенцови* 208, *Марцыянови цэсарови* 222, *дали лудови покой* 206, *бичови бога* 200, *розумови* 187, *векови* 216. В текстах довольно часто употребляется дательный принадлежности: *тому рыцэру имя Бербешь* 28, *быль господарь тому острову* 73, *тому замку есть пан* 104, и др. При предлоге „против” сущ. стоит обычно в дат. п.: *противь пану своему* 156, *противь другому рыцэру* 32, *против Янови* 278.

В звательной форме флексией *-е(-э)* бывает у существительных с прежней основой на *-о*, у сущ. с суффиксом *-ьць* или *-ин-*: *человече* 1, *чловече* 3, *чловече* 5, *чловече* 14, *пане Говорнаре* 14, *купче* 109, *латынине* 109; исключением является пример *паницу* 105; флексия *-у (-ю)* наблюдается у сущ. с прежней основой на *-о*: *витезю* 87, *королю* 95, *мужу* 129, *цару сольдане* 144; при формах *пане дядку* 242, *темничышку* 146, *брате богороднику* 150.

В местном падеже наиболее употребительной флексией выступает *-е (-э)*; но в языке сборника были в ходу и формы на *-у*, *-ю* и на *-и*, *-ы*. Имена сущ. м. и ср. р. *-о* основы обычно располагают флексией *-е*, *-э*: *на гробе* 2, *на вме* 5, *ув острове* 20, *на дереве* 35, *было то лете* 68; примеров форм на *-е* 58; окончания *-у* имеют главным образом сущ. м. р. (из 22 примеров 18 — м. р. а 4 — ср. р.): *у глубокоь виру* 2, *въ холоду* 98, *в маломь часу* 29, *на своемь сэрцу* 30, *на томь местцу* 18, *пры томь дереву* 90; флексия *-ю* наблюдается особенно у сущ. ср. р.: *пры повоженью* 6, *о познанью* 98, *на поветрыю* 206. Замечательно употребление двояких форм на *-и (-ы)* и на *-ю* у существительных с прежней основой на *-о* как в мужском, так и в среднем роде: *в розмышленью* 15 и *у розмышленьи* 26, *в первомь прыстанциу* 114 и *о прыстанциу* 104, *вов покою* 240 при форме *ув покои* 14, *пры коню* 152 и *пры кони* 152.

В им. п. мн. ч. наиболее живой, распространенной флексией является *-и (-ы)*, от сущ. с конечным мягким согласным употреблена флексия *-и*: *кони* 118, *витези* 171, *пенези* 151; после конечных согласных основы *к*, *г*, *х* также стоит окончание *-и*: *коньники* 163, *ланцухи* 152, *попружи* 125; встречаются и формы *хлопи* 90, *бенди* 141. Сущ. ср. р. в этом падеже получают, как правило, флексию *-а*, *-я*: *ребра* 46, *питья* 11; от сущ. *копые* имеется форма им. п. мн. ч. *копыи* 158; после бывших мягких согласных (но отвердевших) обнаруживается флексия *-ы*: *торговцы* 147, *плечи* 152, и др. Смягчение конечного согласного происходит лишь спорадически: при формах *юнацы* 163, *поляцы* 273 наблюдаются и формы *юнаки* 126, *поляки* 266. В названиях народов часты формы на *-ове*, где флексия заимствовала от *-й* основ: *гуинове* 173, *французове* 210; дальшие примеры *продкове* 73, но и *народы* 182 при форме *народове* 177 и *продки* 19. Некоторые существительные в этом падеже могут иметь и 3 формы: *гэтманы* 219, *гэтмане* 175 и *гэтманове* 174. Случаев форм на *-и*, *-ы* 76, на *-ове (еве)* 26, на *-е* 5.

Категория одушевленности и в этой группе существительных неустойчива, она только формируется в XVI в. Форма вин. п. мн. ч. чаще совпадает с формой им. п. Численно это явление выражается так: вин. п. равен им. п. 18 раз, а вин. п. равен род. п. 8 раз: *вывели кони* 45, *увидель коньники* 159, *послалъ послы* 185, *оставиль свои наместники* 266, и т. д.

В род. п. мн. ч. наблюдаются необычные формы *много москвичь* 274 и *в того прыстанциа много судья* 102 — от сущ. *судно*. Малоупотребительны и формы типа *сорокъ годь* 132.

В дат. п. мн. ч. от существительных м. и ср. р., наряду с господствующими старыми, известны новые формы. Случаев форм на *-ом (-ем)* 26 и на *-ам, -ям* всего 5 (4 сущ. ср. р. а одно — м. р.): *вitezям* 91, *местам* 3, *делам* 215 и *селам* 271, 273 при форме *селоm* 271; *послом* 232, *москвичом* 282.

Формы твор. п. мн. ч. представлены особенно от существительных м. р., где флексиями выступают *-и, -ы* 52 раза (среди примеров 46 сущ. м. р. и 6 — ср. р.), *-ами* 28 раз (25 сущ. м. р., 3 — ср. р.) и *-ми* 11 раз (эту флексию получают только сущ. м. р.): *съ паны* 10, *с полки* 26, *ножы* 159, *перед давными часы* 173, *с панами* 8, *щытами* 100, *перлами* 179, *с коньми* 21, *с князми* 233, *мечми* 193.

Для местного падежа характерны флексии *-ах, -ях* (среди примеров 12 сущ. м. р. и 8 ср. р.), *-ех* 15 раз (13 сущ. м. р. и 2 — ср. р.), форм на *-ох* 6, во всех этих случаях — от сущ. м. р.; форм на *-их*, характерных для сущ. с прежней основой на *-jo*, не отмечено; *по гельмахъ* 63, *на коняхъ* 156, *на поляхъ* 210, *о витезяхъ* 113 и *о витезехъ* 1, *в летехъ* 66, *в шатрехъ* 95, *на конехъ* 82, *в немцохъ* 241, *в чернцохъ* 238, *въ замкохъ* 279.

Основы на -і

Все существительные м. р. с прежней основой на *-і* склоняются по образцу *-jo* основ, о чем свидетельствуют примеры типа *якого зверя уловити* 131 *тестя своего* 238, *татя за татя вступает ся* 116, *до зятя* 242. Любопытно совпадение формы вин. п. с формой им. п. в ед. ч. в сочетании *не налошь ни одинъ звер* 2. На влияние со стороны *-о, -jo* основ указывают и остальные падежные формы: *господа бога* — несколько раз, *пойти правым путем* 94, *хочу прыйти гостем* 78 и т. п. Влияние существительных с основой на *-а, -ја* отражается в дательном, творительном и местном падежах, хотя сохраняются и исконные окончания; примеров старых форм меньше, чем новообразований в местном падеже: 6 форм на *-ах, -ях* и 2 формы на *-ех: у дверехъ* 106, *у сенехъ* 291, *в трудностяхъ и небезпечностяхъ на домовыхъ сметяхъ* 190, *о своихъ речахъ* 194, при формах *зверми* 118, *з добрыми речми* 130, *у дверехъ* 106, *въ сенрехъ* 291, *всім людем* 16, *з людми* 47, *во всихъ людехъ* 58.

Основы на -й

Существительные прежней основы на *-й* склоняются почти полностью по образцу *-о*-основы, исконные падежные окончания сохранены лишь в немногочисленных случаях.

В им.-вин. п. ед. ч. встречаются слова этого типа *домъ, верхъ, полъ, родъ, станъ, чынъ, ядь*. Сущ. *сынъ* в вин. п. употребляется всегда в форме *сына: почала от него сына* 129, *дам ти сына* и др. В род. п. ед. ч. флексией бывает *-у: утекла на верхъ дому* 216, *з моего дому* 38, *с того пиру* 260, *без яду* 21, *просечы одного дару* 11, *по пяти сотъ бочокъ меду* 166. В дат. п. нет ни одного примера с окончанием *-ови: все по ряду* 157, *къ сыну своему* 228, *погледель ку верху* 87. Местный падеж представлен в сочетаниях *у моим дому* 1, *на том пиру* 148; но есть и формы *о его сыне* 129, 234. Звательная форма от этих существительных имеется только у слова *сынъ: курвин сыну злодею* 130, *сыну, принеси ми пити* 11.

Во множ. ч. и в этой группе сущ. отражено колебание и в выражении одушевленности, и в употреблении падежных окончаний: *мои сыны померли* 159, *два властные сынове* 233, *пойдите въ ваши дома* 106, *дары даваль* 267, *хлебъ розрезаль на полы* 134, *своихъ два сыны даль* 159, *вродиль трехъ сыновъ* 227, *дай своихъ сыновъ* 159; форма дат. п. мн. ч. в текстах находится лишь от сущ. *домъ: къ панскимъ домоmъ* 290; в твор. п. мн. ч. чередуются флексии *-ы, -ми: дарми* 3, 260, 266, *зъ сынми* 171, *зъ многими дары* 126. Местный падеж мн. ч. образуется под влиянием со стороны *-о* основы: *о семи сынехъ* 258, *о дарехъ* 266.

Основы на согласные

Сущ. *день* мы находим почти во всех падежных формах. Род. п. ед. ч. встречается и в виде *того дни* 274, что указывает на принадлежность этого слова к *-і* основам, но обнаруживается и флексия, присущая *-о* основе: *сего дня* 118, *того дня* 34 и др. В сочетаниях типа *два дни* 24, *тры дни* 154, *чытыры дни* 269 сущ. стоит во множ. числе, так как при этих числительных сущ. употребляется всегда в им. п. мн. ч. Остальные падежные формы ед. ч. не вызывают особенных замечаний.

Более интересны случаи употребления форм род. п. мн. ч.; тут отражены возможности избирания из четырех окончаний; *до нашихь дней* 86, *пять дней* — эта наиболее часто употребляемая форма чередуется с формой *дний сем* 290, *пятнадцать дний* 84; в этом же падеже данное сущ. выступает и в виде *день*: *сем день* 259, *колко день* 5, *до трехь день* 7, 152. Такая форма характеризует сущ. с основой на согласный. Малоупотребительной является форма *днєвь* 108, как и у сущ. *рубль*, *обыватель* имеется род. п. мн. ч. *рублевь*, *обывательевь*. Местный падеж: *в малыхь днєхь* 14, 19.

Имен существительных с суффиксом *-еп-* в тексте мало. Встречаются слова *камень* 13, *поломя* 189, *веремя* 264, *знамя* и *знаме* 32, *во имя божье* 51, *за стрымя* — 4 раза, *купиць травы береме* 137. В трех случаях находится форма род. п. ед. ч. *именя* — под воздействием основы на *-jo*, при форме с последовательно повторяющимся окончанием *-и*, которое имеет место в род. п. сущ. этого типа: *для твоего имени* 42, *з великого племени* 129, *оть бремени тляска* 160, *без знамени* 28, 31; в местном падеже окончанием бывает также *-и*: *въ стрымени* 139, *камень на камени не зосталь* 13, *въ том знамени* 31, *на бремени* 97.

Сущ. с прежней основой с суффиксом *-es-* потратили свои особенности склонения. Формы *на небеси* 287, *вишоль еси на небеса* 158 — только в тексте молитвы, во всех других случаях исчез основообразовательный суффикс: *много чудовь* 206, *для словь* 179; в твор. п. мн. ч. *вдарыли ся древы* 158, *святыми словы* 255; форма местного падежа как у *-о* основ: *в колесехь* 119.

Тип имен существительных с суффиксом *-епт-* представлен словами *дитя* 134, *хлопя* 136, *княжа* 156 и *княже* 153. В род., дат. и м. пп. ед. ч. употребляется флексия *-и*: *имя того княжати* 227, *не вбивайте того дитяти* 6, *рече княжати* 158, *къ оному дитяти* 4, *о княжати* 129, 234, *о том дитяти* 8. В им., вин. и род. падежах мн. ч. использованы правильные формы: *княжата* 181, 260, *быдлята* 214, *иньшихь паняць не ставиль* 14, *дикихь зверать* 220, *прышли двое ценяць* 134; в дат. п. мн. ч. иногда проникает окончание от основ на *-а*, *ја*: *къ детямь* 161 при форме *детемь* 170, но есть и форма *княжатамь* 225; формы твор. п. мн. ч. в тексте *зь своими княжаты* 173, *зь детми* 171, *з моими хляпаты* 136; в местном падеже мн. ч. имеется только один пример *пры детяхь* 160.

Существительные с суффиксом *-єв-* в ед. ч. употреблены во всех падежах. В функции им. п. стоит всегда форма вин. п.: *кровь* 22, *цэрковь* 92, *свою хоругвь* 83; род. п. ед. ч. *подле хоругви* 193, *для любви* 1, *оть цэркви* 93, *безь крови* 159; дат. п. *къ цэркви* 94; твор. п. *с кровю* 222, *за хоругвь* 212; местн. п. *у цэркви* — 3 раза, *въ крови* 93 при форме *у крови* 192. Из падежных форм мн. ч. встречается лишь пример *на хоругвахь* 179.

Суффикс *-тер-* сохраняется только в формах сущ. *мати*: вин. п. ед. ч. *она видела матер* 77; род. п. *оть твоей матери* 134; дат. п. *къ матери* 225; твор. п. *з матерю* 253. В значении *мати* в большинстве случаев употреблено соответ-

ствующее слово с суффиксом *-к-* *матка*, а место древнерусской *дъчи* — без исключения *дочка*.

Разносклоняемые сущ. с суффиксами *-tel-*, *-in-*, *-ar-* особенных замечаний не вызывают. В ед. ч. они склоняются как обычные слова с прежней основой на *-о*, *-ю*. Им. п. мн. ч. получает окончания *-ы*, *-и*, *-е*: *лекары* 22, 165, *морнары* 54 („моряки”) при форме *морнаре* 104, *непрыятели* 54, 266, *обыватели* 283. Для обозначения вин. п. мн. ч. могли служить также несколько форм: *збираль непрыятели* 279, *всихъ обывателевъ* 287, *пошли татаръ воевати* 263, *на хрестяны* 260; род. п. мн. ч. *морнаровъ* 80, *лекарей* 25, *неколко тисечь татаръ* 234, *рымяновъ* 176, *много мещановъ* 206, *много дворанъ* 53, *отъ непрыятель* 280; дат. п. имеет окончания *-омъ*: *хрестяномъ* 254, *болярномъ* 273, *прыятеломъ* 915; твор. п. з *бояры* 254, з *дворены* 66 и з *дворенми* 136, *непрыятелми* 185 и *непрыятели* 279; в м. п. в *непрыятелехъ* 54.

В текстах сборника имеются интересные сочетания существительных с числительными. После *два*, *тры*, *четыры* сущ. стоит обычно в им. п. мн. ч., как это видно в примерах: *так было два годы* 92, *были два браты* 105, *пустите ми тые два юнаки* 80, *побиль тры витези* 109, *четыры годы* 136. Этим образованиям противоречат конструкции типа *то есть два скока* 120, *летъ сорокъ четыры* 233 и др. Встречается пример *отъ семи летъ* 9 и *отъ сорокъ годъ* 135. Неправильными являются случаи согласования в сочетаниях *она была в девети месяцевъ вступила* 160, *ранили ся на много местъ* 21, 64.

Образец из текста сборника

И пануючы великому князю Тройдену, и княз великий Довмонтъ прышодшы зо Пьскова возьметъ городъ Польштэскъ и почнетъ княжыти на Пьскове и на Полоцку. И жаль ему было того велми, иж брат меншый осель панство у Литве и почаль о томъ мыслити, якъ бы его мель о смерть прыправити. А в тыхъ часехъ пануючы Тройдену умерли ему обадва браты князь Гольша и князь Кгедрусь. А з оное вышей писаное вазни князь великий Довмонтъ направил шесть мужыков на брата своего Тройденя забити. Якош он шоль бэзпечне себе з лазни, в Новгородку и тые мужики его зрадне забили. А сам Довмонт собравшы ся з людми своими пьсковскими и полоцкими и потягнуль до Литвы, хотечы быти княземъ литовскимъ и жомойтскимъ. И реченый чернецъ Лаврышь, по литовский зовемый Лаврымонтъ а по русский Василей, и жалуючы смерти великого князя Тройденя отца своего, и оставившы чынь чернецеский и прышоль до панов и собравшы ся со всякими силами своими литовскими и потягнуль противко Довмонта, хотечы помстити кров отца своего. И направившы ся с польки своими и потькали ся з Довмонтомъ надъ озером. И коли зышли ся полки с obu сторонъ и был межы ними бой и сеча великая с поранку олиж до вечера. И поможетъ бог Лаврышу и все войско Довмонта на голову поразил и самого его убил и городъ Польштэскъ взяль.

(стр. 239)

**СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ПРЕДЛОГАМИ *в* И *на*
ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В „ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО
НАРОДНО-РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА ХУ11 — НАЧАЛА ХУ111 ВЕКА”¹**

И. Феринц

Так как в „Источниках” довольно богато представлены названия городов, сел, деревень, учреждений крепостной России, кажется полезным проанализировать сочетания этих названий с предлогами *в* и *на* отдельно от сочетаний с другими существительными для того, чтобы получить конкретное, по возможности, представление о тенденциях развития данных конструкций в этот период. В работах, касающихся истории словосочетаний² отмечается колебание в употреблении вышеуказанных предлогов применительно к географическим названиям. Это колебание в употреблении предлогов с названиями местностей наблюдается как в винительном падеже, так и в предложном. Профессор Т. П. Ломтев в своих „Очерках” пишет: „Иногда предлоги *в* и *на* упореблялись в качестве альтернантов. Такая связь существовала между этими предлогами в сочетании с именами существительными, обозначавшими те или другие территории”.³ А как обстояло дело с подобными конструкциями в конце XVII — начале XVIII века? Можно ли обнаружить какую-либо тенденцию в употреблении этих предлогов? Употребление какого из двух предлогов было преобладающим в этот период истории языка? На такие вопросы хочется получить ответ на основании писем.

Для большей наглядности возьмем сначала только те сочетания, где названия населенных пунктов входят в словосочетание без пояснительных слов, потому что, как увидим ниже, указание на размер поселения (деревня, село, город) определяет употребление предлога.

Конструкция *в* плюс винительный падеж

При глаголах движения (ехать с приставками, идти, везти и др.) или конкретного действия (послать, прислать, взять и др.) предлог *в* с названиями

¹ С. И. Котков, Н. П. Панкратова: Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века М., 1964.

² Т. П. Ломтев: Очерки по историческому синтаксису русского языка М., 1953, стр. 309, 321—324.

Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX. века М., 1964, стр. 83.

(под редакцией академика В. В. Виноградова и доктора филологических наук Н. Ю. Шведовой).

³ Т. П. Ломтев: Указанная работа. стр. 321.

населенных пунктов в винительном падеже обозначает конечный пункт движения или направленного конкретного действия.⁴

ты... в Азов поехал 7/67⁵, Семена Румянцова послалі в Астрокан 65/110, крестьянишек в Белев отослал 95/220, Ты гедрь моі извол... ко мне во Брянск сам приехат 56/107, чтобы обলেখчилас или семья твоя в Бякова 130/135, приехав в Долбин не покозали 5/21, бегъ твой крестьянин в Казань 4/64, 64/49, приехав в Клинское стрелца прислал 36/100, послана грамота в Козелескъ 68/51, я ездил въ Куракино 29/238, взят дело в Курескъ 138/138, запас отвес в Лобаново 21/233, чтоб взят грамота в Муромъ 37/171, с платежом в Новгород поедуть 147/142, матушка поехала в Великой Новград 51/105, пошли Иванова ув Ортуш 144/140, поставить тот запас в Охтырку 61/47, ехали в Пирбухъ 60/205, атвест тебе самому в Поцьи 14/85, вестъ хлеб безрочно въ Путимль 43/199, запас готовит в Поречья 27/32, с тем запасом итит в Ригу 27/32, поехалъ в Рылескъ 159/147, прикажи ее отвесь в Самовъ 125/134, Я ис Корачева волокус в Севескъ 42/102, отослалъ... в Санпитерьбурыхъ 30/34, 44/40, 45/41, послал я людишек своих в Синбирск 36/171, 4/67, в Смоленскъ как изволиш итит 18/190, отпустит в Соколово Василя 87/120, послать в Темниковъ 18/72, им в Толоконникова прислат 18/73, хотела ехат... в Шахово 3/80, Посылали въ Камаричи за хъмелемъ 110/129, 47/104, чтоб... съездили нарочна Иван Ивановичъ в Кромы 50/105, 84/118, пожалуй гедрь намъ... хлебъ въ Рясны 45/199, Приеждал члвкъ твоі въ Тетюши 21/162.

Конструкция в плюс предложный падеж

Названия местностей (среди них и вышеуказанные названия⁶) употребляются в предложном падеже для обозначения местонахождения автора письма, какого-либо предмета или для обозначения места действия. В роли главного слова в конструкциях, как правило, выступают краткие формы прилагательного, глаголы конкретного ненаправленного действия или глаголы бытия, в том числе и устаревшее с того времени выражение „обретаться в живых” или „обретаться з живущими”.

... естли гедрь какие делишка будут... в Арзамасе 22/75, 18/73, они на службе в Белегороде были 5/154, был я сирота твоі... в Брыкове 47/200, я в Володимире жив 32/195, я в Воршине... в живых обретаюс 90/62, А в Детчине... ржи и еровые... добры 18/73, я бы тебе промениль (землю И. Ф.) въ Ерине 30/98, КГ число стат в Ызюме 73/54, Кузма Титов в Козлове... не бывал 6/65, в Калуги... есть 5/21, в Корсуни... брат рспрашиван 18/260, в Курандиш... жив 33/35, я в Ладуги 45/41, Лука Дементьев и жил в лексине 63/206, Дат ся грамотка во Мценске... Маслову 3/80, на правеже стоим в Нижнемъ 50/177, он и жил в Олексине 62/206, я в Острадаме жив 31/194, я в Переславле жив 28/156, мы в Петербурхе не боли 45/41, в Пронске мы челом

⁴ Хочется заметить, что в „Источниках” есть словосочетания, в которых географические названия употребляются только во мн. ч., но они с точки зрения словосочетаний особого интереса не представляют и поэтому в отдельную группу не выделяются. Они имеют те же значения, что и словосочетания, где названия употребляются в ед. ч.

⁵ Здесь и в дальнейшем числитель указывает на номер письма, а знаменатель на страницу книги, упомянутой под 1 пунктом.

⁶ Для того, чтобы избежать повторения тех же названий, примеры даются только с новыми названиями. Все-таки самые употребительные названия, которые встречаются в письмах и в предложном падеже, здесь хочется отметить: в Азове 6/66, во Врянске 7/82, 45/103, 74/104, в Белеве 18/28, 79/57, в Козелске 27/32, в Корачеве 22/95, 55/107, 102/126, в Казани 25/77, в Новгороде 147/141, в Синбирске 12/187, в Смолиенску 70/52.

ударил воеводе 9/227, я в Речице жив 50/104, изволил смотрит в Семеновском всех 8/68, я в Торжку... княгинею... живы 33/195, продал (барана И. Ф.) в Серпухове 53/203; в Трубцеске телеги доброй... купит не добудеш 2/80, 134/137, я был в Бухарех 16/259, а сын ево в Коранах 32/240, я... согрещии жив в Чебоксарех 46/175.

Конструкция на плюс винительный падеж

По показаниям писем в конструкциях, состоящих из предлога на плюс названия местности в винительном падеже, в роли главного слова выступают в сущности те же глаголы, что и в конструкциях с предлогом в, значит и глаголы направленного движения (поехать, приехать, прийти, послать и др.). Данные писем не подтверждают предположение о том, что „при глаголах направленного движения имена существительные, обозначающие народы и населенные пункты, употреблялись только с предлогом в”⁷

послал я на Алаторь крестьян 43/174, 27/236, Калина Григорьевич поехал на Вагу 30/194, Как пришли люди мои на Воронежь 11/256, ему сослав сую грамотку на Гош 150/143, приехал на Кинишму сысник 45/175, вели дат саломы... на Колиновку 34/99, на Кастрому как пошлете 42/173, еду утре на Латорь 53/178, поспеши сам на Орель 40/101, 95/220, тебе самому на Пензу приехать 6/155, 4/253, нас сирот выслат на Рязан 43/245, 41/442, послат Епифана на Самару 42/173, 9/186, пришли польские люди на Холодицу 5/225, прикажи на Царицын... писать 15/188, ригелменту повелено... на Великие Луки 22/30, уехал я на Волуйки 11/256.

Конструкция на плюс предложный падеж

Эти словосочетания совпадают по значению с конструкциями, состоящими из предлога в плюс названия местности в предложном падеже.

... будет возможно на Везовне 39/38, На Еике продано запасу воз гороху 13/258, стали жить на Елнышихи 44/199, я на Зызране в полку 51/178, и на Зызневои восемь десятин 5/22, я... на... Корочи живь 46/103, пошьлиньну взяли на Котьлени 60/205, Мы на Пилной справливали неты 50/177, он живет на Рыбномь 168/149, ты на Саре купил дачю 32/168, поговорит о поместех на Мезине и на Студунце 60/47, дано ему дворовое место на Сызране 4/153, есть у нас на Туле мастер 82/158, а добро им (лошадям И. Ф.) быт и на Шекише 18/73, на Черемошне оставлено четвертки с три 5/21, на Вярвелях посеели 31/239, на Дубровах посеели 31/239, тот нне на Луках 5/225, на Избицах тебе гсдрь досталось земли две десетины 11/227, стала гсдрь на Кочурах людна 11/227, 9/227.

При сравнении вышеуказанных примеров сразу бросается в глаза следующее: предлоги в и на с названиями населенных пунктов в „Источниках” употреблялись в качестве альтернатив, но одни и те же названия употреблялись или всегда (за исключением немногих названий, их см. ниже.) с предлогом в, или всегда с предлогом на. Некоторые из перечисленных названий встречаются в письмах неоднократно, и всегда в сочетании с одним и тем же предлогом. Если подсчитать, употребление какого предлога является преобладающим, то получим следующую пропорцию: в:на = 63:34. Так как письма писались людьми, разными по уровню образования, в разных районах (Киреевские имели поместья например в Калужском крае, Масловы — Карачевском уезде, Пазухины — в Алатырском и т. д.) на основании вышеуказанной

⁷ Т. П. Ломтев: Указанная работа. стр. 324.

пропорции можно предполагать, что употребление предлога *в* в сочетании с названиями населенных пунктов в конце XVII — начале XVIII века является преобладающим.

Названия местностей, в сочетании с которыми наблюдается колебание в употреблении предлога *в* или *на*

В письмах Пазухиных употребляется название *Стемас* с обоими предлогами:

буtto крестьянин ево за мною *в Стемасе* жил 5/154,
на Стемас приду 29/166,

Название *Новый Оскол* встречается в письмах Киреевских:
я . . . на Новом Осколе . . . здрав 86/60,
я в Новом Осколе . . . жив 13/25,

В связи с последним примером интересно заметить, что употребление названия *Новый Оскол* с предлогом *в* встречается в письме Яблочкова, который, видимо, предпочитал употреблять в сочетаниях с названиями местностей предлог *в*. Об этом свидетельствуют примеры с названием Москвы. Москва употребляется в подавляющем большинстве случаев с предлогом *на* и всего в 7 случаях встречается с предлогом *в*. Из 7 случаев 5 относятся к письмам Яблочкова.

послал я в Москву . . . члвка 38/38,
поволь письмо в Москве батюшку . . . отдам 33/35, 21/29, 38/38, 46/42.

В следующих примерах колебание в употреблении того или другого предлога, очевидно, можно объяснить влиянием первого предложного сочетания, так как в другой ситуации употребляются эти названия с другим предлогом.

ис Казанского дворца грамот гедрвхь к тебе *на Самару* и *на Саратов* не прислали 12/187, но: *мы в Саратов . . . работников . . . послали* 2/183, нашему ригелменту повелено быть в *Риге* и ныне в марше . . . *на Великие Луки на Псков* 22/30, но: некали повалаклись на службу *во Псков* 24/192.

Однако вполне возможно, что здесь оказал влияние другой фактор: речь могла идти о направлении, а не о конечном пункте действия.

стала работа надвая в *Пожегине* и *в Кочурах* 35/242,
но: *на Кочурах* гсдрь вымолотили овса . . . 9/227, 44/245.

Правда, само название „*Пожегино*” встречается в сочетании с предлогом *на* один раз при глаголе *посеять* (курсив мой И. Ф.)

Конструкции, включающие в себя слово, указывающее на размер поселения

Как уже говорилось выше, в „Источниках” широко представлены конструкции, обозначающие в себя слово, указывающее на размер поселения (иногда в сочетании с конкретными названиями поселений) или слово, являющееся названием административной единицы крепостной России при глаголах движения или конкретного направленного действия. Названия: *деревня, село, город, вотчина, слобода, уезд, провинция* при вышеуказанных глаголах обозначали место, куда направлялось действие.

их . . . привезли в Ружкой уезд в село Бряково 15/268, *свезь ты меня в село Долбино* 54/45, *меня да старосту в город беспрестанно горад волочат* 12/27, *ты . . . в вотчину мою . . . ездил для ссыску* 25/164, и (з) *Смоленска* указ прислан в ншу правинцью 30/34.

Названия, обозначающие учреждения, употреблялись с тем же значением: *в Помесной бы стол* отдали 49/177, *мы челобитную принесли в Помесной приказ* 30/167, 30/38, тульской воевода писал . . . *в Розбоинои приказ* 68/51,

Игнатьев приведен в Судной Московской приказ, 5/154, тот крестьянин мой отослан из Новгородского приказу в Казанской дворець 17/71.

Перечисленные конструкции в предложном падеже при глаголах, обозначающих наличие, пребывание сохраняют значение пространственных отношений.

изволиш ли гсдрь тое вдовицу держать в вотчине твоеи 44/199, он сказал в роспросе что жил в Терюкшевской волости 116/130, вор тот в Раснаи слабаде сидит в тюрьме 31/240, ты гсдрь мой продашь землю . . . в-пустоши Еренской 164/148, отдать сия грамотка на Москве . . . в приходе Николая Чудотворца 84/118, поволил де ты купить в Костромском уезде землю 10/69, оно крестьянин держитца в Военном приказе 43/40, в Помесном приказе по делу выписка готова 8/23, жена была в городе в Белеве, я в бгоспасаемомь граде Трубческе з живущими обретаюс 134/137, я в селце Гринкове . . . жива 34/36.

Как следует из примеров, слово, указывающее на размер поселения, определяет употребление предлога *в*, причем сами названия склоняются или в единственном числе или во множественном.

В сочетании со словом двор употребляется предлог *на*, но если двор употребляется в старом значении, т. е. как казенное или общественное здание, то сочетается с ним предлог *в*, указывая на то, что действие должно произойти внутри здания:

Отдать сие письмо на дворе столника 13/25, посылка бывает . . . в приписном дворе 19/28.

Названия рек при глаголах действия употребляются в „Источниках” с предлогом *на* в предложном падеже и обозначают место действия, как правило, на берегу реки.

Федор Федоров выкосил на пустоши твоеи на Мытной на реке на Судогде луку 48/200, отец был в сылке . . . на берегу на Волге 16/259, я на службе . . . под Козловым на реке на Воронеже 67/50, вотчина дровня Мыколина на речке на Мологуце 11/266, я на Дану . . . еще дал богь живь 81/58, а дришка мое . . . на реке ямене 18/161, Иван Ангреевич . . . на реке лучасе 4/224.

ОБ ЭНКЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТИЦЕ *-то* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. Юхас

1. Своеобразная по своей функции, не имеющая соответствий в родственных языках энклитическая частица *-то*, именуемая в грамматиках и толковых словарях русского языка то усилительной, то выделительной частицей, несмотря на весьма скромное место, выделяемое ей в разных грамматиках¹, представляет несомненный интерес для смыслового членения высказывания.

2. Что касается однако функции исследуемой частицы и условий ее употребления, они в достаточной мере пока не раскрыты. М. Г. Халанский, написавший в начале 20-го в. интересную работу о характере и истории частицы *-то*, называл ее постпозитивным членом и, ссылаясь на Г. Ф. Покровского, утверждал: „древний член сохранился... и употребляется всегда только в тех случаях, когда предмет, к имени которого он прибавляется, или упоминался ранее в разговоре, или же, как предполагает говорящее лицо, он находится в уме не только его собственном, но и в уме его собеседника...”² Таким образом, М. Г. Халанский отождествлял функцию частицы *-то* в русских говорах и в разговорной речи с функцией определенного артикля в разных языках, между тем как в русских грамматиках последних десятилетий ничего подобного о частице *-то* не устанавливается. Так, напр., А. Н. Гвоздев называет ее просто усилительной частицей, подчеркивающей слово, на которое падает фразовое ударение, и служащей для выделения слова и для его противопоставления. В Толковом словаре Ушакова говорится также о выделении, подчеркивании и оттенении частицей *-то* значения слова, к которому она примыкает, а кроме того еще устанавливается, что *-то* „Придает фразе несколько эмоциональный или фамильярный, интимный характер”. Последние взгляды явно не совпадают с идеей М. Г. Халанского и Г. Ф. Покровского. Возникают вопросы: кто же из них прав, на чьей стороне скрывается истина, или — нельзя ли найти увязку между двумя мнениями, столь различными на первый взгляд?

3. Мысль М. Г. Халанского об артиклоидном характере частицы *то-*, впрочем, подробнее не развернутая и не доказанная и самим автором, несом-

¹ Во многих грамматиках, в том числе и в Академической грамматике, частица *-то* вовсе не упоминается, что находит свое объяснение, очевидно, в том, что *-то* не считается элементом литературного языка.

² М. Г. Халанский, Из заметок по истории русского литературного языка. II. О члене в русском языке. Санкт-Петербург, 1901, стр. 26.

³ А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, I, Москва, 1958, стр. 396—397.

ненно, встречается с большими трудностями. Артикли, препозитивные или постпозитивные, во всех европейских языках, в которых они имеются, сочетаются с именами существительными, тогда как русская частица *-то* не ограничена в своем употреблении рамками существительных. (Можно отметить, что древние членные прилагательные в русском языке также лишь в сочетании с существительными выполняли свою роль выражать определенность, а именно определенность имен существительных.) Частица же *-то* сочетается и с некоторыми другими частями речи, в том числе и с глаголами.

Вот несколько примеров разнообразного ее использования.

„Я вчера, между прочим, щуку поймал . . . — Где же *щука-то*? — спрашивают его.”⁴ (Ю. Казаков, Трали-вали); „*Ваня-то* у сестры жил.” (Бунин, Хорошая жизнь); „. . . баня у них там, а у нас-то нету ее . . .” (Ю. Казаков, Никишкины тайны); „Ты мне только скажи, ты *того-то*, тогдашнего, не любишь ведь? Правда?” (Куприн, Ночлег); „А какая дурочка — да это же прелесть! . . . И как робеет с *такой-то* красотой! . . .” (Куприн, Просительница); „Душонка у ней добренькая . . . да *собой-то* она уж не очень того . . .” (Куприн, Впотьмах); „Шатобриана долбить . . . с *больной-то* головой” (Шишков, Пейпус-озеро); „Вот ежели бы *мокрый-то* я у огня начал греться, ну тогда пропасть” (Мамин-Сибиряк, Вольный человек Яшка); „Слышишь, а ежели тебе в чистоте пожить? . . . — *Четыре-то* года — ответила баба.” (Бабель, Иисусов грех); „. . . был ранен. *Теперь-то* он поправляется.” (Шишков, Прокормим); „*Тут-то* я, понятно, пожалела, что не пошла.” (Бунин, Хорошая жизнь); „. . . где тебе и хорошему *так-то* сыграть!” (Бунин, Хорошая жизнь); „*По-этому-то* . . . у нас нет таких случаев . . .” (Куприн, Лолли); „Смотри, парень, замерзнешь . . . чего ты *разделся-то*?” (Шишков, Буя); „Что же *делать-то* нам, ребята?” (Шишков, Сусанины советской земли); „*Что-то* стало из нее?” (Вересаев, Поветрие).

И такой, далеко не полный перечень различных случаев использования частицы *-то* показывает, что она сочетается со многими из частей речи, так с именами существительными — как нарицательными так и собственными —, с местоимениями разными, с прилагательными, с числительными, с наречиями, с инфинитивом и личными формами глаголов, и даже с вопросительными словами. (Чаще всего эта частица встречается в сочетании с существительными, личными местоимениями и глаголами, причем при самых различных случаях синтаксического использования указанных частей речи.) Вне сферы совместного употребления с частицей *-то* оказываются, повидимому, только такие части речи, как модальные слова, междометия, союзы, частицы разные, предлоги.

4. Такой широкий круг сочетаемости исследуемой частицы никак не совмещается с общеизвестным и общераспространенным пониманием характера и функции определенного артикля и артикля вообще. (Вполне единой и общепринятой теории артикля, правда, пока не существует, но все исследователи сходятся, в основном, на том, что определенный член отделяет предметы и явления от других однородных предметов и явлений — тем самым конкретизирует, индивидуализирует их — или отделяет классы предметов и явлений от других классов, представляя их, т. е. отдельные предметы, явления или отдельные их классы, как определенные, т. е. известные как говорящему

⁴ Как здесь так и в дальнейших примерах, взятых из художественной литературы, курсивы мои. (И. Ю).

лицу так и его собеседнику.)⁵ Ясное дело, что выдвинутым здесь требованиям, особенно требованию конкретизации и индивидуализации способны соответствовать кроме существительных только местоимения, которые могут быть заменителями существительных в контексте.

5. Является ли однако закономерным такое заключение, что все другие части речи лишены способности выражать объекты мысли, которые как-нибудь и в какой-то мере представляются как известные? Такое заключение, очевидно, было бы неправильным, ведь изучение т. наз. актуального или смыслового членения речи убедительно показывает, что исходным, отправным пунктом в высказывании, т. е. известным, данным моментом, о котором сообщается что-нибудь новое, могут служить не только члены предложения, выраженные существительным, но и другие. Актуальное членение высказывания является органическим, неотъемлемым признаком всех и каких бы то ни было высказываний, которое осуществляется как в языках, обладающих артиклями, так и в других языках.⁶

Артикли представляют собой удобное средство формального различения данного в высказывании но, разумеется, только в случае, если последние воплощены в виде существительных. В иных случаях смысловое членение высказывания на данное и новое остается без формального выражения и основывается на интонации и порядке слов, как это бывает вообще в языках, не имеющих артиклей⁷. Здесь включается проблема энклитической частицы *-то*.

6. Употребление определенного артикла внешне в основном сводится к явлениям дейксиса и анафоры. Небезынтересно проверить случаи использования частицы *-то* именно с этой точки зрения. Выходит, что у существительных в большинстве случаев и здесь мы имеем дело или с дейктическим или анафорическим типом употребления. Примеры: „... лешаки из избышки выглядывают, болбонят: Гляди ты! *Никишка-то* к отцу едет...” (Ю. Казаков, Никишкины тайны); „— А если она (рыба) выскочит? — Но! У нас ведь ловушка на то. Вишь, *полотно-то*? Сеть то есть” (там же); „... сейчас и город будет видно, — сказал извозчик... Ишь *огни-то*” (Куприн, Игрушка). Нужно отметить, что с дейксисом мы сталкиваемся сравнительно редко, зато анафорическое употребление *-то* встречается очень часто. Например: „Я вчера... щуку поймал... — Где же *щука-то*? — спрашивают его”, (Ю. Казаков, Трали-вали); „Пятьдесят рублей сулил — *цена-то* какова, а?”, (Ю. Казаков, Арктур-гончий пес); „Мы... поехали за город на дачу. *Дача-то*, конечно, была пустым предлогом”, (Куприн, Лунной ночью); „А у своих господ нам нечего сидеть, не стоят они того. *Господа-то наши*... бедные-бедные были...” (Бунин, Хорошая жизнь).

7. Сравнивая приведенные и подобные случаи использования частицы *-то* с употреблением определенного артикла в разных языках в соответствующей

⁵ Относительно общей теории артикла см. Б. А. Серебренников, Общие вопросы теории артикла и проблема семантики употребления артикла в древнегреческом языке. Москва, 1949, (На правах рукописи).

⁶ См. И. П. Распопов, Актуальное членение предложения, Уфа, 1961, стр. 27.

⁷ Данное и новое, как это реализуется у существительных при актуальном членении предложения и определенность-неопределенность имен, полностью не совпадают. Об этом см. П. Адамец, Порядок слов в современном русском языке, Прага, 1966, стр. 36. Ср. также статью Ш. Кони, Венгерские артикли в сопоставлении с некоторыми явлениями русского языка, опубликованную в IV. выпуске настоящей серии.

щих конструкциях, мы находим, что чаще всего этим русским сочетаниям соответствуют имена существительные с определенным членом. Наблюдаемые расхождения объясняются отчасти различием в употреблении определенного артикля в разных языках, большей же частью тем важным обстоятельством, что дейксис и анафора как таковые не идентичны с определенностью, хотя чаще всего они реализуются вместе. Ни дейксис, ни анафора однако не исключают возможность неопределенности имени! Таким образом, при изучении функции и условий употребления энклитической частицы *-то* целесообразнее следить за разными типами дейксиса и анафоры, чем искать соответствия между ней и определенным членом. Тем более что вовсе нередки случаи, когда имя существительное, сочетающееся с *-то*, явно не обнаруживает никаких признаков определенности. Посмотрим несколько из таких случаев: „Толстый вы однако! — Ты еще, значит, не видал настояще *толстых-то!*”, (Горький, Жизнь Матвея Кожемякина); „Занятный, ох, занятный старик был и большой руки чудак. Ну, а что *воляк-то* он замечательный, я о том уж не говорю, вы и сами знаете”, (Шишков, Гордая фамилия); „... девять тысяч рублей? — Да у меня никогда и *денег-то* таких в руках не бывало! — прибавил он...” (Куприн, Впотьмах). В последнем сочетании определение *таких* при слова *денег-то* уж само показывает, что определенность существительного исключается. В других случаях неопределенность иногда еще более явно обнаруживается. В следующем отрывке, например, наличие анафоры является неоспоримым фактом, а в то же время неопределенность существительного с частицей *-то* выражено определением *один*: „Суконной сотни купцы везли красный товар... Погорячились в Москву за ужину доехать, не доехали, *Купчишка-то один* жив остался, донес”, (А. Толстой, Петр первый).

Анафорическое и дейктическое употребление частицы *-то* наблюдается не только в сочетании с существительными и их заместителями, но и с некоторыми другими самостоятельными словами. (И здесь явление анафоры преобладает над дейксисом.) Имена прилагательные встречаются не слишком часто: „Собственно, *прежней-то* любви... давно уже и не было”, (Куприн, Игрушка); „... Шатобриана долбить... С *больной-то* головой”, (Шишков, Пейпус-озеро); „По совести сказать, он, *убогий-то*, даже в постель слег...”, (Бунин, Хорошая жизнь).

Из числа имен встречаются еще и числительные, но тоже не часто. (Выше был приведен один пример под пунктом № 3.) Наречия попадают чаще, но у них проблема дейксиса и анафоры обстоит, очевидно, иначе, чем у имен. Можно ссылаться на такие примеры: „Поухаживайте за женщинами, да вина хорошего выпейте. *Так-то* и ладно будет”, (Куприн, Мясо); „А уж как на гармонье играл где тебе и хорошему *так-то* сыграть!” (Бунин, Хорошая жизнь); „А он вскорости возьми да и взаправду удавился. *Тут-то* я, понятно, пожалела, что не пошла” (Бунин, там же).

Глаголы очень часто выступают с частицей *-то*. Анафорический характер употребления частицы во многих случаях не вызывает сомнения, что же касается дейксиса, тут уже есть немало затруднений. К анафорическому типу относятся такие примеры как: „Его-орка! Тебе велели иди-ить... — Кто *велел-то?*”, (Ю. Казаков, Трели-вали); „Ва-а-просы... Я, брат, и сам *спрашивать-то* мастер...”, (Короленко, По пути); „Кузнец был горький пьяница и тоже полагал, что умней его во всем селе нет, что и *ньет-то* он по причине своего ума.”, (Бунин, Веселый двор).

8. Так как убедительных примеров для дейктического употребления частицы *-то* с глаголами не нашлось, нужно полагать, что значение глагола вообще не совмещается с характером дейксиса. Последний, безусловно, предполагает известную степень конкретности со стороны объекта мысли, на который как раз делается указание. Такой конкретностью больше всего могут обладать, очевидно, существительные, в значении которых явления действительности представляются в опредмеченной форме: Глаголы же, оказывается, способны только выражать какое-либо действие с сопоставлением с другим каким-либо действием вообще, но без всякой возможности конкретизации, индивидуализации в рамках данного класса действия. То же самое можно установить и в связи с наречиями, с той только оговоркой, что некоторые из наречий по своей семантике выступают в контексте обязательно с конкретизацией их значения (*здесь, там, сегодня, теперь, тогда и другие*). (Последние в этом отношении напоминают личные и указательные местоимения, лишенные конкретного содержания вне контекста, но непременно конкретные в контексте.)

9. Тот факт, что возможность конкретизации, индивидуализации значения у отдельных частей речи имеется далеко не в равной мере, во многом объясняет наблюдаемое разнообразие функции частицы *-то* с точки зрения смыслового членения речи. В основном могут быть отмечены, правда, только два главных типа: во-первых, вспомогательная функция связывания повторяющихся или соотносящихся объектов мысли на основе контекста — (анафора) и указание на возникающий объект мысли на основе конситуации — (дейксис), во-вторых, усиление, подчеркивание значения слова вне такой связи с каким-либо элементом контекста или без момента прямого указания на данный объект. Но оба типа представляют большое внутреннее разнообразие.

Последний, второй тип использования частицы *-то* по частоте употребления уступает первому, но вовсе не может считаться редким. Интересно, что и существительные не остаются вне круга такого употребления с частицей *-то*: „Нас с тобой и за *людей-то* никто не считает.”, (Куприн, Пиратка); „Слышал небось какой *молодец-то* был?” (Бунин, Сверчок); „У тебя *отец-то* есть?”, (Куприн, Дознание). Бывает и так, что *-то* примыкает к одному из членов устойчивого словосочетания, например: „Довольно тебе бить *баклуши-то*,” (Шишков, Да здравствует жизнь!). В таких случаях вряд ли можно говорить о подчеркивании данного одного слова. Здесь подчеркивается, очевидно все сочетание в целом.

Довольно часто выступает частица *-то* в таком „свободном” употреблении и с другими словами, например: „Что *делать-то* нам, ребята?”, (Шишков, Сусанины советской земли); „... ты *куда-ни-то* заведешь вражью силу, в самую погибель заведешь”, (там же); „Погляжу, погляжу, послушаю и выйду. И *такая-то* тоска меня взяла!”, (Бунин, Хорошая жизнь); „Отчего никому не нужен их труд?... *Что-то* будет с ними впереди?”, (Куприн, Просительница).

10. В связи с вспомогательной функцией частицы *-то* в смысловом членении речи нужно указать еще на следующие моменты. Частица *-то* употребляется — в рамках возможностей своего применения — по усмотрению говорящего, а не в обязательном порядке, как артикли. В силу этого она действительно является лишь вспомогательным средством, способствующим осуществлению коммуникативного задания высказывания. Вспомогательный характер частицы *-то* обнаруживается еще и в том, что она сама по себе не

в силах определять место слов при смысловом членении высказывания, но сопровождая слова, так или иначе выделяющихся в данном высказывании, она помогает ярче выделить их.

11. В отношении способа употребления *-то* напоминает артикли тем, что она в одном высказывании может примыкать к двум или более словам одновременно, напр.: „*Такой-то* ты *хозяин-то*, голубчик?“, (Бунин, Хорошая жизнь); „Наш колхоз — „Красное поле“ зовется — отписал на *фронт-то Фетисову-то*: так мол и так.“ (Шишков, Прокормим). Члены предложения, подчеркнутые частицей *-то*, при актуальном членении оказываются то в составе данного, то в составе нового, хотя чаще они относятся к составу данного, как и слова с определенным артиклем в соответствующих языках.⁸ Утверждение о том, что слова с частицей *-то* являются носителями фразового ударения, в таком широком обобщении не может считаться обоснованным. Что же касается взгляда о свойстве частицы *-то* подчеркивать слова, противопоставленные друг другу по значению, это явление прямо вытекает из возможности употребления ее в анафорической функции и является одним из видов реализации анафорического употребления. В следующем отрывке, например, предшествующее связывается с теперешним в виде противопоставления, так как между ними есть определенная разница: „А ходили за ним (тюленем) всяко: другой раз на карбасах, другой раз на ледоколе. *Теперь-то* все больше на ледоколе“. (Ю. Казаков, Никишкины тайны). По контексту слово *теперь* вытекает из предыдущего, а частица лишь подчеркивает эту связь.

Итак энклитическая частица *-то*, во многом напоминая определенный артикль, отличается от него, наряду с другими расхождениями, именно в главнейшем: она не является средством выражения определенности имен.

⁸ См. об этом П. Адамец, указанная работа, стр. 36—37—83.

АНТОНИМИЧНЫЕ ПАРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. Пете

Под антонимичной парой Я. И. Гельблу, изучающий такие парные сочетания в немецком языке, понимает „слова-антонимы, которые употребляются всегда вместе в определённых оборотах”, „теряют свою антонимичность и из противоположности превращаются в общность”¹. Напр.: *Freud' und Leid* имеет значение „alles”. В дальнейшем Я. И. Гельблу отмечает, что „в русском языке их не особенно много (стар и млад, делить радость и горе)”². Может быть, этим объясняется, что об антонимичных парах не упоминается ни в работах А. П. Мордвилко и И. К. Сазановой³, ни в работах Н. М. Шанского⁴. (Ради справедливости следует указать, что Н. М. Шанский *per tangentem* говорит об антонимичных парах, как о фразеологических оборотах, представляющих собой конструкции с сочинительными союзами⁵; в другой же работе он указывает и на то, что „слова, объединяющиеся с помощью союзов в целую единицу, выступают или как синонимические, или как антонимические”⁶). Целью данной статьи является пополнение пробела в изучении антонимичных пар.

1. Антонимичные пары представляют собой особый структурный тип среди фразеологических оборотов, которые по своему строению состоят из того или иного сочетания слов.⁷ Для них характерна „своя собственная семантика, существующая у них сама по себе, независимо от значений составляющих их компонентов даже тогда, когда эта семантика соответствует сумме значений компонентов”⁸. В антонимичных парах слова теряют свою противоположность и обозначают *общность, единство* пространства, времени,

¹ Я. И. Гельблу, Антонимичные пары. Сб. „Вопросы общего и германского языкознания”. Уфа, 1967, стр. 131. Отметим, что не каждый фразеологический оборот со словами-антонимами относится к антонимичной паре. Напр.: *нет худа без добра, чёрным по белому, старая погудка на новый лад, с больной головы на здоровую*, которые у Н. М. Шанского не разграничиваются от антонимичных пар. (См. Н. М. Шанский, Фразеология современного русского языка. М., 1933, стр. 73.

² Я. И. Гельблу, Упомянутая статья, стр. 131.

³ А. П. Мордвилко, Очерки по русской фразеологии. Москва, 1964.

⁴ И. К. Сазанова, Лексика и фразеология современного русского литературного языка. М., 1963.

⁵ Н. М. Шанский, Упомянутая работа и Лексикология современного русского языка, 215.

⁶ Н. М. Шанский, Лексикология современного русского языка, стр. 215.

⁷ Н. М. Шанский, Фразеология современного русского языка, стр. 71.

⁸ См. структурные типы фразеологических оборотов у Н. М. Шанского, „Фразеология современного русского языка”, стр. 28.

⁹ Н. М. Шанский, Лексикология совр. р. языка, стр. 138—139.

предметов и явлений. Компоненты антонимичных пар соединяются сочинительными (соединительными) союзами. Реже они соединяются и без союзов.

1. Антонимичные пары, обозначающие *общность* пространства, имеют значение „*везде*” „*повсюду*”, „*отовсюду*”, „*местами*” или „*нигде*”. Они могут сочетаться без союзов и с союзами *и, то . . . то, ни . . . ни*. Приведу примеры:

а) Антонимичная пара ВЗАД И ВПЕРЕД имеет отрицательный вариант *ни назад, ни вперед*.оборот употребляется с глаголами несовершенного вида. (Если глаголы обозначают перемещение, то употребляются глаголы неоднаправленного движения). Например: *ходить назад и вперед, бежать назад и вперед, стал ходить/расхаживать назад и вперед, не мотайся назад и вперед, двигаться назад и вперед, качаться назад и вперед, раскачиваться телом назад и вперед; не пускать ни назад, ни вперед*. „Мать ходила назад и вперед и смотрела на сына” (Горький, Мать). „По потолку назад и вперед двигались полосы ночного света (Катаев, Белеет парус одинокий). „Он отпил несколько глотков молока и стал расхаживать назад и вперед тихонечко, не подымая шума” („Неделя”, 1962/39, стр. 20).

Глаголы совершенного вида употребляются только с приставками-модификаторами. Напр.: Он *заходил назад и вперед*. Он *походил назад и вперед* и сел.

Для пространственных отношений характерными являются т. наз. тройственные отношения.⁹ Следы этой системы проявляются и в антонимичных парах, обозначающих *общность* пространства. В значении „*отовсюду*” употребляется антонимичная пара СПЕРЕДИ И СЗАДИ или СЗАДУ И СПЕРЕДУ (просторечн.). Например: *Стреляли спереди и сзади*. (Синонимичным оборотом может быть *стреляли и с фронта и с тыла*). „Свищут ей ветры прямо в лицо, дуют буйные сзаду и спереду” (Салтыков, Губерн. оч.).

На вопрос *где?* пространственное отношение обозначается антонимичными парами ВПЕРЕДИ И СЗАДИ, СПЕРЕДИ И СЗАДИ. Напр.: „Её платье *испачкалось спереди и сзади*. *Впереди и сзади нас извивалась дорога*” (Горький, Ма-аленькая).

б) Антонимичная пара ТУДА И СЮДА имеет варианты ТУДА-СЮДА, ТО ТУДА, ТО СЮДА, НИ ТУДА, НИ СЮДА, И ТУДА И СЮДА. Напр.: „По дорожке *идут* машины: *туда, сюда*.” (Нева, 1966/12, стр. 128). „*Ходишь по земле туда-сюда, видишь города, деревни*” (Куприн, Поединок). „Только *носился туда и сюда*, рыская по всем углам (Гайдар, Военная тайна). „*Пошли толковать и туда и сюда*: — Настала, как есть, христианам беда” (А. К. Толстой, Песня о походе Владимира на Корсунь). „*Пристава, адвокаты и судейские проходили то туда, то сюда*” (Л. Толстой, Воскресение). „Еремей *высунулся из окна вполовину . . . И ни туда, ни сюда*. Пробует опять в избу — плечи не лезут (Словарь СРЛЯ, т. 15, стр. 1104).

Следующие сочетания по строению тоже являются антонимичными. Однако они обозначают не *общность* пространства, а определенное направление в пространстве. Напр.: „*Это у него уже не первый рейс сюда-туда*” (Овечкин, Без роду, без племени), „*Гуляю ежедневно и прохожу Невский два раза туда и назад*” (Гаршин, Над. Николаевна) — вместо *сюда* употребляется другое слово „*Даю вам честное слово, что доставлю вас туда и обратно в один час*” (Чехов, Враги), *Билет туда и обратно*.

⁹ В связи с этим см. И. Пете „К вопросу изучения системы обстоятельства места”, Studia Slavica, Вр., XII, 1966. 337—344.

При обозначении пространственного отношения на вопрос *где?* употребляются антонимичные пары ТАМ-СЯМ, ТАМ И СЯМ, ТО ТАМ, ТО СЯМ, НИ ТАМ, НИ СЯМ. Вместо устаревшего *сям* с союзами *и, то...* *то* можно употреблять и местоимение *тут* и в этом случае порядок компонентов может меняться: ТАМ И ТУТ/ТУТ И ТАМ, ТО ТАМ, ТО ТУТ/ТО ТУТ, ТО ТАМ. Примеры: Уже темно, и на небе показывались *там и сям* звёзды (Чехов, Печенег). Улицы кипели народом, *там-сям стояли* отдельные группы, что-то читая, что-то слушающая (Герцен, Долг прежде всего). Мне *и там и сям хорошо. Там и сям бывает. То там, то сям шатается.* — На поляне *там и тут чернели* распластанные на снегу человеческие фигуры (Марков, Строговы). „Дятлы деловито долбили сухие стволы, а *то тут, то там* падали нам на голову шишки (Паустовский, Далёкие годы). „Лисица не набрасывается на свою жертву, не рвёт её на куски, а долгое время полегоньку *то там, то тут покусывает* (Салтыков-Щедрин, Господа Ташкентцы). „*Стоящие тут и там* автомобили...” (Неделя, 1966/46, 14).

Вариант этой антонимичной пары, отвечающий на вопрос *откуда?* редко употребляется. Напр.: *оттуда и отсюда* собранные вещи.

в) Антонимичная пара НАПРАВО И НАЛЕВО имеет варианты ВПРАВО И ВЛЕВО, ТО НАПРАВО, ТО НАЛЕВО, ТО ВПРАВО, ТО ВЛЕВО. Примеры: Когда мы вошли в зал, я *стал раскланиваться направо и налево* (Неделя, 1962/43, стр. 24), „... лесник *покачивался перед* оглоблями *направо и налево*, словно привиденье” (Тургенев, Бирюк). „Младший сержант... в замешательстве *поглядывал то направо, то налево...*” (Л. Надь, Случай на хуторе). Он *поворачивает голову то вправо, то влево/вправо и влево.* „Поплавок качался, осторожно *ёрзал то вправо, то влево*, дрожая, но не тонул” (Паустовский, Летние дни).

Антонимичную пару *направо и налево* можно употреблять и в переносном значении. Напр.: „Она *изменяет мужу направо и налево.* Бабушка *помогала направо и налево.* Я никогда не судил, был снисходителен, охотно *прощал всех направо и налево*” (Чехов, Скучная история).

На вопрос *где?* имеется антонимичная пара СЛЕВА И СПРАВА, которая может иметь вариант СПРАВА И СЛЕВА. Примеры: „*Слева и справа от* лодки из чёрной воды *поднялись* какие-то здания — баржи...” (Горький, Челкаш), „Моя жена хочет, чтобы ты сказал ей, как называются *те палатки слева и справа*” (Неделя, 1966/32, 16). „И тотчас Никита увидел среди ладоней, *блвщихся* вокруг него *справа и слева*, тонкие, чуть худошавые, быстрые руки...” (Федин, Братья).

В таком же значении, но реже можно встретить и сочетание *направо и налево*: „*Направо и налево*, по длинным скатам пологих холмов тихо *зыблется* зелёная рожь” (Тургенев, Татьяна Борисовна).

На вопрос *откуда?* употребляется также сочетание СПРАВА И СЛЕВА. Напр.: Из-за хлебных кладей и ветхих крыш *возносились и мелькали* на чистом воздухе, *то справа, то слева*, по мере того как бричка делала повороты, две сельские церкви (Гоголь, Мёртвые души).

г) Следующая антонимичная пара СНАРУЖИ И ВНУТРИ. Напр.: Дом *снаружи и внутри* был старым и развалившимся. „Ещё *снаружи и внутри* Везде *блвстают* фонари” (Пушкин, Евгений Онегин).

д) Антонимичные пары ВВЕРХ И ВНИЗ/ТО ВВЕРХ, ТО ВНИЗ, СВЕРХУ ВНИЗ/СВЕРХУ ДОНИЗУ обозначают пространственное направление. Напр.:

„... во время разговора начинаете кивать головой вверх и вниз” (Неделя, 1964/13, стр. 14), „... заставляя пуговицу кителя то вверх, то вниз...” (Там же). „Чуприков оглядел себя сверху донизу” (Федин, Братья), „Алёшин... смотрит на парня сверху вниз” (Нева, 1966/12, стр. 81).

е) Антонимичная пара С ГОЛОВЫ ДО НОГ имеет вариант С НОГ ДО ГОЛОВЫ и синонимичный оборот ОТ ГОЛОВЫ ДО ПЯТОК. Они могут обозначать направление или употребляться в значении „езде”. Примеры: „Весь с головы до ног он был облеплен снегом” (Полевой, Зайчик), „Он был уже мокр с головы до ног от этих брызг...” (Горький, Челкаш), *Обмерить* кого-н. с головы до ног, *Смерить* кого-н. взглядом с головы до ног, „... стремительный поток крови неприятно согрел его с головы до ног...” (Федин, Братья) — „... девушка, с ног до головы перепачканная известкой...” (Звезда, 1964/4, стр. 137), „... он весь с ног до головы тряся, почти в ознобе” (Куприн, Погибшая сила), „Марья Ивановна успела рассмотреть её с ног до головы” (Пушкин, Кап. дочка), „Исправник в дорожном платье, вооружённый с ног до головы, отвечал им с видом таинственным и суетливым” (Пушкин, Дубровский). „Вся одежда их от головы до пяток орнаментирована красивыми нашивками” (В. Арсеньев, Сквозь тайгу).

Антонимичная пара ОТ ГОЛОВЫ ДО ХВОСТА обозначает не вертикальное, а горизонтальное пространственное направление. Его синоним от начала до конца. Напр.: „Через минуту от головы до хвоста состава прокатился знакомый лязг и перезвон буферов, и поезд медленно двинулся дальше” (Ф. Кнорре, Далёкий зов), И скоро далеко-далеко вытянулся козачий табор по всему полю. И много досталось бы бежать тому, кто бы захотел пробежать от головы до хвоста его” (Гоголь, Тарас Бульба).

ж) Антонимичные пары ВДОЛЬ И ПОПЕРЕЁК, ВДАЛЬ И ВШИРЬ, ВГЛУБЬ И ВШИРЬ/ВШИРЬ И ВГЛУБЬ, В ДЛИНУ И В ШИРИНУ, ИЗ КОНЦА В КОНЕЦ, ОТ КРАЯ ДО КРАЯ, ИЗ КРАЯ В КРАЙ¹⁰ синонимичны. Примеры: *Вдоль и поперёк* он извездил страну. [Вода] „ленивыми, густыми струйками, переливавшимися, как жидкое стекло, раздавалась вдаль и вширь от носа лодки” (Куприн, Поединок). „Туча быстро неслась по небу, разрастаясь вглубь и вширь” (Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня). „Задача состоит в том, чтобы помочь стахановцам развернуть дальше стахановское движение и распространить его вширь и вглубь на все области и районы СССР” (Словарь СРЛЯ, т. 2, стр. 937), „Земля в длину и в ширину кругом своя” (Твардовский, Страна Муравия), „Быков... прошёл проспект из конца в конец.” (Саянов, Небо и земля). „Луна сияла, как солнце, освещая равнину от края и до края (Короленко, Сон Макара). „[Дама] „второй уже год странствовала из края в край” (Тургенев, Дым).

з) Антонимичными являются и следующие синонимичные сочетания: ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ, ПО ДОЛАМ, ПО ГОРАМ, ЗА ГОРАМИ, ЗА ДОЛАМИ. Примеры: „По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд...” (Песня). „Иль предан лёгкому раздумью и мечтам, Гуляю наобум по долам и горам” (Словарь СРЛЯ, т. 3, стр. 947). „За горами, за долами Уж гремел о нём рассказ...” (Лермонтов, Два великана).

и) Следующие словосочетания также являются антонимичными. Некоторые из них употребляются в переносном значении. Примеры: „Всё больше путешествовал, и по воде, и по суше” (А. Островский, Бесприданница) / „Доб-

рая помощь окружающих их людей помогли ребятам *преодолеть трудности и на море, и на суше*" (Новые книги, 1966/39, стр. 38). „*Жил . . . между небом и землёй, ни с боков, ни сверху нет ничего*" (А. Островский, Бедность не порок). „*Витать между небом и землёй, Я деликатно напомним, что они и я — это разница-с. Земля и небо*" ("Достоевский, Скверный анекдот). „Я не понимаю, отец, как . . . ты будешь принимать человека, который *как небо от земли от тебя*" (Гоголь, Мёртвые души) — „Я за Соломина *и в огонь и в воду готов*" (Тургенев, Новь). „Она за тебя *и в огонь и в воду готова*" (А. Островский, Не от мира сего). Он *огонь и воду/сквозь огонь и воду прошёл* — „Слёзы *ни к селу, ни к городу* опять *полили* из её глаз" (Чехов, Слова, слова . . .). „Они осматривали дом за домом. Осматривали внимательно, *изучая* помещение *с подвала до чердака*" (Неделя, 1964/II, стр. 18).

2. Антонимичные пары могут обозначать и *общность* времени в значении „*всегда*" или „*никогда*" (редко).

а) Наиболее распространённым является антонимичное сочетание ДЕНЬ И НОЧЬ, которое имеет варианты И ДЕНЬ И НОЧЬ, ДНИ И НОЧИ и синонимы ДНЁМ И НОЧЬЮ/И ДНЁМ И НОЧЬЮ, ДЕННО И НОШНО (архаично). Примеры следующие: „*Работал* в эти десять лет *день и ночь*" (Шолохов, Судьба человека). „Я буду *работать день и ночь*, чтобы у него было всё, всё, что ему нужно" (А. Островский, Без вины виноватые). „*И день и ночь* над головой свистели багоги (Паустовский, Судьба Шарля Лонсевиля). „*И день и ночь лили дожди*" (Нева, 1966/12, стр. 128). „*Дни и ночи* часовые — э-эх! *Стерегут* моё окно". . . (Горький, На дне). „На их обязанности лежало непрерывно, и *днём и ночью, подбрасывать* каменный уголь в топочные отверстия" (Куприн, Молох). „Он *трудится денно и ночью*, Покою себе не даёт (А. К. Толстой, Богатырь), Мать его *заботилась о нём денно и ночью* (Тургенев, Накануне). „. . . *денно и ночью* помнил великую мудрость . . . : на чьём возу едешь, того и песенку пой" (Звезда, 1964/10, стр. 67).

б) Антонимичная пара ЗИМУ И ЛЕТО имеет варианты И ЗИМУ И ЛЕТО/И ЛЕТО И ЗИМУ, ЗИМОЙ И ЛЕТОМ/И ЗИМОЙ, И ЛЕТОМ, НИ В ЗИМУ, НИ В ЛЕТО. Примеры: [Ермолай] „*ходил и зиму и лето* в желтоватом нанковом кафтане немецкого покроя" (Тургенев, Ермолай и мельничиха). „Там *жил* постоянно, и *лето и зиму*, старый пчеляк в землянке" (С. Аксаков, Воспоминания). „По вечерам *и зимой, и летом* около этой горькой избенки преимущественно *скапливалось* людское веселье (Словарь СРЛЯ, т. 4, стр. 1229) „*Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ни в зиму, ни в лето*" (Гоголь, Мёртвые души).

в) Словосочетание ОТ ЗАРИ ДО ЗАРИ может иметь противоположные значения „с утра до вечера" и „с вечера до утра"¹⁰. Ср., напр.: „*Работая от зари до зари*, Анна сама засеяла вспаханную землю и на своих лошадях заборонила посеянное" (Г. Марков, Строговы). „*От зари до зари*, Чуть зажгут фонари, Вереницей студенты шатаются" (Старая студенческая песня).

3. Третья группа антонимичных пар обозначает *общность* предметов и явлений в значении „*всё*", „*все*", „*никто*", „*ничто*" и др.

¹⁰ В связи с этим см. статью И. Пете „О противоположных значениях одного и того же слова в русском языке" *Dissertationes Slavicae*, II. Szeged, 1964, 18—26.

а) Антонимичная пара И СТАРЫЕ И МОЛОДЫЕ имеет варианты И СТАР И МЛАД/СТАР И МАЛ/СТАРЫЙ И МАЛЫЙ и синоним ОТ МАЛА ДО ВЕЛИКА. Примеры: „Все они, и старые и молодые, были сыты войной по горло!” (Нева, 1966/4, стр. 51). „Старый и малый — все с ума сошли от одной красавицы, — В станице его ждали все — от мала до велика (Закруткин, Плавающая станица), Все волновались от мала до велика.

б) Следующие сочетания также относятся к этой группе антонимичных пар. Некоторые из которых уже близки к наречиям: *делить с кем-н. радость и горе/горе и радость* (см. Словарь русского языка, т. I, 1957, стр. 445), *Быть переданным душой и телом кому-н., Не нужна она ему ни душой, ни телом, Это ничего не даёт ни для души, ни для тела, Не виноват ни душой ни телом — Доказать словом и делом, Не только на словах, но и на деле/на словах и на деле показал себя знающим специалистом, — Владеть русским языком устно и письменно, .*

в) Следующие антонимичные пары имеют сходные значения: ТО-СЁ/ТО ДА СЁ/(И) ТО И СЁ, НИ ТО НИ СЁ. Вместо СЁ можно употреблять слова *другой* или *иной* и таким образом получают пары И ТОТ И ДРУГОЙ, ТОТ ИЛИ ИНОЙ(ДРУГОЙ), НИ ТОТ НИ ДРУГОЙ. Приведу несколько примеров: „И столько о вас *слыхал того-сего*, Что познакомиться давным-давно желаю” (Лермонтов, Маскарад). „Покали *искали* [варежку], пока *то да сё*, наступили сумерки” (Гайдар, Чук и Гек). „В гимназии Саша стал учиться опять *ни то ни сё*; только по физике и словесности он шёл хорошо” (Омулевский, Шаг за шагом). „... вдруг эта подлая *ни с того ни сего* за палец” (Чехов, Хамелеон). „*Ни с того, ни сего* он рассердился и ушёл, — Обломов как-то обрюзг не по летам: от недостатка ли движения, или воздуха, а может быть, *того и другого*” (Гончаров, Обломов).

4. Последняя группа антонимичных пар обозначает неопределённую или наивысшую степень качества. Например: „Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: *девка ни жива ни мертва*” (Пушкин, Кап. дочка). „Он в течение недели *находился между жизнью и смертью*” (Неделя, 1966/46, стр. 14), *Меня бросает то в жар, то в холод, — Этот человек кожа да кости.* [Конь] „исхудал в одну ночь так, что *остались на нём только кости да кожа*” (Л. Толстой, Хозяин и работник). „Повтори, говорю, повтори, *такой-сякой*, что ты сказал!” (Чехов). „Ах, *душечка, говорит, моя, Домна Платоновна, такая-сякая намазанная*” (Лесков). „И приходили номера этих журналов *более или менее аккуратно*” (М. Булгаков, Театральный роман). „Он *обвинил Модестова не больше, не меньше*, как в теоретическом легкомыслии (Словарь СРЛЯ, т. 6, стр. 838). *Принести больший или меньший вред.*

2. Исследователи указывают, что местоположение членов фразеологического оборота, как правило, является устойчивым и порядок слов в них меняться не может¹¹. Это распространяется и на антонимичные пары, хотя, как видно на примерах, порядок слов иногда в них может меняться.

Изучение порядка элементов в антонимичных парах представляет большой интерес с *типологической точки зрения*. В разных языках находим соответствующий или противоположный порядок элементов в антонимичной паре

¹¹ Н. М. Шанский, Фразеология совр. р. яз., стр. 19.

того же значения. Так, например, антонимичная пара *взад и вперед* в английском эквиваленте имеет тот же порядок элементов (*backwards and forwards* или *back and forth*), в немецком и в болгарском также (*nach hinten und vorn, назад и напред*), в венгерском языке же возможен только противоположный порядок (*előre-hátra*); в русском, болгарском, словацком, польском, немецком, английском языках порядок элементов в антонимичной паре *день и ночь/днём и ночью* совпадает (болг. *ден и нощ*, словацк. *dňom i nocou*, польск. *dniet i nocą*, в немецком (*bei*) *Tag und Nacht*, в англ. *day and night* (реже возможно и *night and day*), в венгерском же языке мы находим противоположный этим языкам порядок: *éjjel-nappal*. Однако в венгерском эквиваленте *от мала до велика* находим тот же порядок элементов, что и в русском обороте: *apraja-nagyja*; в английском и французском языках порядок элементов противоположен: *big and little, grands et petits* а в немецком языке возможны оба варианта: *gross und klein/klein und gross*.

В связи с разными способами обозначения В. Гумбольдт и его последователи¹² говорят об особом „видении мира” (Weltsicht), присущем данному народу, в котором выражается психология, склад ума отдельных народов. Так, напр., Ф. Н. Финк, пишет следующее: „jede Sprache vom Geiste derer Zeugnis ablegt, denen sie entstammt, dass sich jede Volkes geistige Eigenart; wenn auch nicht ganz, so doch zu grossem Teile seiner Rede offenbart”.¹³

Ж. Вандриес и другие указывают, что „различия, констатируемые в любой данный момент истории между языками двух народов, даже народов, языки которых родственны, объясняются чисто лингвистическими процессами в развитии каждого языка, а следовательно не дают никакого основания для выводов о складе ума этих народов”. „Склад ума народа в обоих случаях одинаков. Отличается только его выражение”¹⁴. То есть несмотря на то, что антонимичная пара „*ходит назад и вперед*” в венгерском языке имеет противоположный порядок элементов, значение двух эквивалентов одинаковое, венгры представляют себе данное действие не наоборот. Ситуативное значение (отношение знака к вещам) в обоих языках одинаково, лингвистическое значение (отношение знака к знаку в системе знаков) уже различное и поведенческое значение (отношение знака к избранному поведению) тоже может различаться: эвфонические свойства могут повлиять на порядок элементов, их наличие или отсутствие зависит от частоты употребления слов-антонимов.¹⁵

¹² В связи с этим см. С. Д. Кацнельсон, Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1962, стр. 87—103.

¹³ F. N. Finck, Die Haupttypen des Sprachbaus, Leipzig, 1910, S. 156.

¹⁴ Ж. Вандриес, Язык. (Перевод с французского: J. Vendryes, Le Langage), Москва, 1937, стр. 219—220. См. ещё Эдуард Сепир, Язык. (Перевод с английского: Edward Sapir, Language), М.—Л., 1934, стр. 171).

¹⁵ В связи с этим см. О. С. Ахманова, О психолингвистике. МГУ, 1927, стр. 29, и Я. И. Гельблу, Упомянутая статья, стр. 164.

ПРОСТАЯ ФОРМА СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ПЛЮС ВСЕГО И ВСЕХ

Ш. Кони

Как указывается в стилистиках русского языка, „превосходная степень” прилагательных типа *важнее всего*, *ниже всех* имеет разговорный оттенок¹. (Думается, из-за этого разговорного оттенка подобным сочетаниям уделялось мало внимания.) В некоторых учебниках и грамматиках совсем не упоминается о конструкциях со словами *всего* и *всех*², другие приводят примеры только со словом *всех*: сложную превосходную степень прилагательного *интереснее всех* и превосходную степень наречия *лучше всех*³.

В проблематике простой формы сравнительной степени в сочетании со словом *всего* или *всех* возникают следующие вопросы:

I. В сочетании с какими частями речи встречаются слова *всего* и *всех*?

II. Когда употребляется форма *всего* и когда *всех*, в зависимости от значения сочетания?

III. Каким словосочетанием является простая форма сравнительной степени + *всего* и *всех*?

IV. Идет ли речь о превосходной степени или о сравнительной степени, получившей значение превосходной?

Мы постараемся дать ответы на эти вопросы.

I. По формулировке Словаря современного русского литературного языка местоимение *весь*, *вся*, *всё* в родительном падеже ед. ч. и мн. ч. в сочетании со сравнительной степенью прилагательного и наречия употребляется в значении превосходной степени.

Тут нужно добавить, что 1. качественные прилагательные в форме сравнительной степени с суффиксами *-е*, *-ее*, *-ей*, *-ше*, как известно, могут выступать и в функции определения, напр.: „Он был связан дружбой с девушкой *старше* его” (Фадеев)⁴, тогда как те же формы прилагательных, сочетаясь со словом *всего* или *всех*, могут быть в предложении лишь сказуемыми.

¹ Ср. напр., Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М., 1965, стр. 118, 121.

² Ср. напр., Грамматика русского языка, ч. I. (Под ред. акад. Л. В. Щербы). М., 1950. — И. М. Пулькина. Краткий справочник по русской грамматике. М., 1951.

³ И. М. Пулькина, Е. Б. Захавя-Некрасова. Учебник русского языка для студентов-иностранцев. М., 1964, стр. 145, 403.

⁴ Поэтому необоснованно сказано об исключительно предикативной функции простой формы типа *умнее*. (Ср. Lubomir Durovič. Paradigmatika spisovnej ruštiny. Bratislava, 1965, p. 169.) Ср. также И. Юхас. Атрибутивные конструкции с простой формой степени прилагательных в роли определения, Studia Slavica, III, 1957, стр. 299—326.

2. Разграничение омонимичных форм сравнительной степени прилагательного и сравнительной степени наречия производятся по синтаксическому употреблению. Что касается омонимии, она остаётся и при наличии словоформ *всего* и *всех*. Напр.: Этот мальчик оказался *ловче всех*; Этот мальчик ныряет *ловче всех*.

3. Слова *много* и *мало* также имеют степени сравнения. Эти слова по мнению одних исследователей являются наречиями (наречными словами), по высказыванию же других языковедов они входят в категорию числительных, точнее, в разряд неопределённо-количественных слов.

Следует отметить, что по взгляду большинства исследователей последних десятилетий случаи, когда различные значения многозначного слова расходятся настолько, что звуковая оболочка, связывавшая их ранее, как бы разрывается, давая жизнь двум (или нескольким) новым словам, относятся уже к омонимам⁵. Итак, по нашему мнению, слова *много* и *мало* в сочетании с род. падежом существительного (субстантивированного прилагательного) представляют собой числительные (неопределённо-количественные слова), а в других позициях они — наречия.

Следовательно, напр., в предложении „но *больше всего* мне понравилось это: ванная” (Маяковский) по нашим представлениям налицо наречие, но в предложении: В какой группе *больше всего* студентов? — числительное. О том, что наречие *много* (*мало*) и числительное *много* (*мало*) — уже разные слова, свидетельствует и их сравнительная степень в сочетании со словом *всего* (*всех*). (Об этом будет сказано ниже.)

4. Слова *всего* и *всех* употребляются и при некоторых словах категории состояния. Напр.: „Он разлучен с подружкой был своей, Ему *тошнее всех* в неволе” (Жрылов. Соловьи).

5. Наконец, могут сочетаться со словом *всего* и некоторые модальные слова, напр.: Успех-восстания говорит за то, что кто-то, *вероятнее всего* именно он, предварительно обошёл всю страну и подговорил дворян.” (Кальман Миксат. Два нищих студента. — Перевод Г. Лейбутина).

II. Что касается употребления слова *всего* или *всех* в сочетании со всеми пятью перечисленными частями речи, лучше всего исходить из того факта, что местоимение *весь*, *вся*, *всё* и субстантивированные слова *всё*, *все* — не совсем тождественны. Наиболее удачно это показано в словаре Ушакова: **3.** *в знач. сущ.* *всё*, *всего*, *мн.* нет, *ср.* . . . || Род. п. *всего* в сочетании с сравн. ст. прил. или нареч. образует превосх. степень, высшую меру качества. **4.** *в знач. сущ.* *все*, *всех* *ед.* нет. В полном составе, без исключения (о людях) || Род. п. *всех* в сочетании с сравн. ст. прил. или нареч. образует превосходную степень, высшую меру качества.”

Попутно укажем, что в некоторых грамматиках словоформы *всего* и *всех* объясняются таким образом: *всех* (= *чем все*); *всего* (= *чем всё*)⁶. Подобная формулировка может создать ложное представление, будто в русском языке существуют такие предложения, как Жизнь дороже, *чем всё*, хотя это просто

⁵ Ср. М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович, Многозначность и омонимия. Л., 1966. стр. 3 и сл.

⁶ Ср., напр., E. Tauscher—E. G. Kirschbaum. Grammatik der russischen Sprache. Berlin, 1960, S. 169.

немыслимо. Предложения же типа Он пишет быстрее, чем все, по крайней мере непривычны.

1. *Прилагательное*. Грамматики русского языка вообще придерживаются такого правила: Местоимение *всех* употребляется, если обозначается качество лица, а местоимение *всего*, если носителем признака выступает неодушевлённый предмет⁷. Однако подобное упрощение проблемы оставляет открытыми следующие вопросы: а) какое местоимение применяется к животным (не-лицам), б) какое местоимение употребляется в том случае, если простая сравнительная степень + *всего* (*всех*) служит средством сравнения качества, проявляющегося в одном и том же предмете.

Приведём примеры. „Он не только что чинами, боевыми орденами, — он годами *старше всех*” (Твардовский). „Кругом, в воде всё большие рыбы плавают, а он [пескарь] *всех меньше*” (Салтыков). „Отсутствие дела *страшнее всего*” (Некрасов. В окопах Сталинграда). Можно было бы полагать, что форма *всех* употребляется, если речь идёт об одушевлённых предметах (ср. *он* вместо слова *пескарь*), а местоимение *всего* — в том случае, если говорится о неодушевлённых предметах, явлениях.

Однако существуют и примеры несколько другого типа. Напр.: „Этот вопрос *важнее всех* (или *важнее всего*)” (А. В. Исаченко); „Хороша страна Болгария, А Россия *лучше всех*” (Исаковский); „В мире дорог немало, Наша *прямее всех*” (Сурков); „Задача № 7 — *проще всех* в этом разделе” (Л. П. Юдина*).

Между вариантами Этот вопрос *важнее всего* и Этот вопрос *важнее всех* имеется такая разница: В первом варианте подразумевается: (*всего*) „на свете”, во втором: (*всех*) *других/остальных*. Это означает, что во втором предложении *вопрос* сравнивается с (другими) вопросами, в первом же предложении со всеми предметами, хотя и разнородными.

Высказывание типа Этот вопрос *важнее всех* возможно, по нашим наблюдениям, тогда, если сравниваемое существительное имеет при себе определение, т. е. когда высшая степень качества выражается посредством сравнительного противопоставления чего-н. или кого-н. всем прочим предметам из одной и той же категории. Это относится и к случаю, когда только из контекста ясно, что речь идёт об однородных объектах: Хороша *страна* Болгария, А *Россия* лучше всех, или же подразумевается предмет, называемый существительным: В мире *дорог* немало, *Наша* прямее всех.

Однако нужно отметить, что аа) предложения подобного типа свойственны разговорному языку, бб) между значением неодушевлённых предметов и слова *все* (= все люди) чувствуется какое-то противоречие, „напряжённость” особого рода, вв) если нужно выразить качество неодушевлённого предмета (понятия), то предпочтение даётся формам *самый* + полная форма прилагательного, напр.: Этот чемодан *самый* тяжёлый; его работа *самая* лучшая⁸.

Простая форма сравнительной степени + *всего* употребляется как единственно возможная, если сравнивается проявление качества в одном и том

⁷ Ср., напр., Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. М., 1958, стр. 276.

* Практическое пособие по русскому языку для иностранцев (под ред. Л. П. Юдиной). М., 1964.

⁸ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. ч. I. Братислава, 1957, стр. 274.

же предмете в разных условиях места и времени. Напр.: Здесь река *шире всего*⁹. (Заслуживает внимания форма *всего*, которая не меняется, хотя сказуемым является сущ. ж. р.) В подобных русских предложениях применимы лишь неизменяемые формы *шире всего*, *выше всего* и т. д. С лицами такие обороты непривычны.

2. Й. Драхош приходит к заключению, что правило, согласно которому местоимение *всех* употребляется, если обозначается качество лица и местоимение *всего*, если носителем признака выступает предмет” — действует и в отношении наречий.¹⁰ Однако это не совсем так.

Лучше исходить из слов А. В. Исаченко: „Сочетания со словами *всех* и *всего* преобладают в разговорных стилях, причем между сочетаниями типа *больше всех* и *больше всего* имеется своеобразная разница в значении. . . Если сравнить предложения *Петя больше всех любил свою сестрицу*, с одной стороны, и *Петя больше всего любил шоколад*, то окажется, что в первом случае превосходная степень характеризует действие, сравниваемое с действием других агентов, (т. е. все остальные её любили меньше), в то время как во втором случае превосходная степень выделяет объект действия (т. е. всё, кроме шоколада, Петя любил меньше)”¹¹.

Однако дело обстоит несколько сложнее, чем это указано в книге А. В. Исаченко. Напр., в следующих предложениях: В отделе объявлений дедушка, по старой привычке, *больше всего* интересуется вызовами к торгам” (Сальков); „. . . но дамам *меньше всего* верьте” (Гоголь) выделяются косвенные дополнения. В предложении *Петя больше всего любил шоколад*, хотя логически выделяется объект действия, но не при помощи превосходной степени, а посредством интонации.

А если мы сравним другое приведенное А. В. Исаченко предложение *Петя больше всех любил свою сестрицу*, с одной стороны, и предложение „Пушкин был самым читаемым, вернее, из всех поэтов и писателей его *больше всех* любили слушать в деревнях, в глухих углах. . .” (А. Толстой), то можем установить, что „превосходная степень” может характеризовать не только действие, сравниваемое с действием других агентов, но и действие, которому подвергается объект, сравниваемый с другими объектами.

Мы отметим, что кроме перечисленных существуют и предложения несколько другого типа, напр., без переходного глагола: На метро мы доедем *быстрее всего*” (Л. П. Юдина); А между тем, именно на уду *всего больше* пескарь и ловится (Салтыков), где, на наш взгляд, выделяются одновременно и обстоятельство и само наречие.

Таким образом, на основании того, какой член выделяется, или какое действие характеризуется посредством превосходной степени наречия, — нельзя определить, какое нужно употребить из двух слов: *всего* или *всех*.

Далее: А. В. Исаченко, трактую о предикативах („категории состояния”), приводит цитату из сатирической „Всеобщей придворной грамматики” Д. И. Фонвизина: „*Вопр. Какой глагол спрягается чаще всех . . . ? Отв. . . чаще всех*

⁹ К. Г. Крушельницкая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961, стр. 84.

¹⁰ Й. Драхош. Об образовании трех степеней наречий в современном русском языке. (В сб. ст. *Slavica II, Debrecen*, 1962, стр. 314).

¹¹ А. В. Исаченко. Указ. кн., стр. 338.

спрягается глагол: *быть должным*". (Указ. кн. стр. 360). Как видно из примеров, мы столкнулись тут с явлением, известным нам из пункта I. (о прилагательных) настоящей статьи: сущ., обозначающее неодушевлённый предмет, имеет при себе определение и поэтому может подразумеваться слово *других/остальных*: Какой глагол спрягается *чаще всех других*? Более современный пример: „*Всех лучше советские скрипки на конкурсах мира звучат, Всех ярче сверкают улыбки Советских весёлых девчат*” (Лебедев-Кумач).

Однако нужно сказать, что и в подобного рода предложениях гораздо чаще встречается *всего*, чем *всех*: Мне *больше всего* нравится *этот город*; Какой из московских театров вам *больше всего* понравился? По нашему мнению это тоже объясняется тем, что в силу противоречия между значением существительных, обозначающих неодушевлённые предметы и значением слова *все*, предпочтение даётся форме *всего*.

Слово *всех* применяется в случае, если в роли какого-то члена предложения выступает существительное-название лица (или местоимение как заместитель имени сущ.), и признак, названный формой простой сравнительной степени наречия, проявляется по отношению ко всем другим существительным-названиям лиц, выступающих по смыслу в той же синтаксической функции. Напр.: Он пишет *лучше всех* (Он, а не другое лицо). Из всех поэтов и писателей его *больше всех* любили (Его, а не другого). Нарушение этого грамматического правила приводит к двусмысленности, к речевым недочётам, напр.: Петя больше всех любил маму ~ Петя любил маму больше всех. (Петя, а не другой или же маму, а не другого?)

Чтобы определить, когда применяется *всех*, на практике нужно иметь в виду, что налицо не одно слово, а два: наречие в форме сравнительной степени и субстантивированное местоимение *все* (ед. ч. нет) в родительном падеже, которые образуют словосочетание „со значением уподобления с оттенком значения меры”¹², т. е. в таких случаях словоформе *всех* в венгерском языке всегда может соответствовать слово *mindenkinél* или *mindegyiknél* и т. п.: *mindenkinél jobban*, *mindenkinél gyorsabban* Во всех остальных случаях употребляется форма *всего*. Нужно запомнить, что подобное соответствие между словом *всего* и *mindennél* не всегда возможно. (См. об этом ниже.)

Есть некоторые сочетания со словом *всего* (употребляемые даже в научном стиле!), которые застыли в известной форме: *прежде всего*; *чаще всего*, *лучше всего* и др. Напр.: *Прежде всего* новый способ производства не нуждался больше в помощи церкви. (Крушельницкая). Тут к глаголу примыкает наречие *больше*, но сочетание *прежде всего*, как нам кажется, не является членом предложения. Интересно с этой точки зрения предложение Гоголя: „. . . всё, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; *прежде всего* заснул сторож, потому что *более всех* напился для приезда паничей.” Писатель прибегает к сочетанию *прежде всего*, а не *прежде всех*, потому что, как нам кажется, он видит в нём застывшее сочетание.

Если сочетания *более (больше) всего*, *менее (меньше) всего* стоят перед прилагательными или существительными, они целиком сохраняют значение наречия, (не так, как *более/менее*, предшествующие прилагательному), напр.: „Разница между ними *более всего* графическая. . .” (Галкина-Федорук); „Ростов приехал в Тильзит в день *менее всего* удобный для ходатайства за Дени-

¹² Академическая грамматика. т. II, ч. I, стр. 350.

сова" (Л. Толстой); Крижанич был... немного философ... , большой филолог и *больше всего* патриот. (ССРЛЯ).

Больше всего и т. п. может предшествовать и существительному в родительном падеже, напр.: „Отдохнула девушка в Москве, дали ей книжек, газет, а *больше всего* — плакатов, где было нарисовано, за что и как борется советская власть" (Из книги для чтения). Здесь слово *плакатов* зависит не от сочетания *больше всего*, а от глагола *дали*; итак *больше всего* в данном контексте — наречие, а не числительное.

Наконец рассмотрим предложение „Металлолома пионеры второго звена собрали *больше всех*" (Л. А. Виноградова). Тут сущ. в род. падеже *металлолома* является тоже зависимым словом; зависит оно, как и сущ. в предыдущем примере, от глагола (а не от слова *больше*). В обоих примерах существительное в род. падеже (род. партитивный) выступает в предложении в роли прямого дополнения. Наречие же *больше* лишь примыкает к глаголу.

3. В значении *числительного* встречаются только сочетания *больше всего*, *меньше всего*, но никогда *больше всех* или *меньше всех*, что легко объясняется значением числительного. Сочетаемость слов *больше* и *меньше* со словоформой *всех* — один из критериев, на основании которых можно судить, какой частью речи является данное слово — наречием или числительным (неопределённо-количественным словом). Напр.: „Так у кого же, хлопцы, сегодня *меньше всего* денег?" (Кальман Миксат. Два нищих студента. — Перевод Г. Лейбутина); „Комната была, точно, не без приятности: стены были выкрашены какой-то голубенькой краской... несколько исписанных бумаг, но *больше всего* было табуку". (Гоголь).

4. При словах *категории состояния* фигурируют оба варианта: *всего* и *всех*. Напр.: „Я, говорит, шесть душ загубил... ; но *всего* мне жалче старичка этого". (Л. Толстой); „Он разлучен с подружкой был своей, Ему *тошнее всех* в неволе". (Крылов). В отношении слов категории состояния действуют такие же правила, как и в отношении наречий. Но здесь налицо вместо подлежащего объект состояния в дат. падеже.

5. Последняя часть речи с род. падежом *всего* (но никогда *всех*) — это *модальные слова*. Ср. вышеприведённый пример: „... кто-то, *вероятнее всего* именно он, предварительно обошёл всю страну... ;” „Талант — это *прежде всего* целеустремлённая воля к действию." (Леонов). Мы уже высказали мнение, что сочетание *прежде всего* очень часто находится на рубеже наречий и модальных слов.

III. Следующая проблема: каким словосочетанием является простая форма сравнительной степени плюс род. пад. *всего* или *всех*?

Прежде всего нужно упомянуть о том, что не всегда слова *всего* и *всех*, которые следуют за формой сравнительной степени (реже: предшествуют ей), выступают в рассматриваемой функции. Об этом часто забывают. Даже Академическая грамматика (т. I, стр. 294) выделяет в цитате из произведения Маяковского „Ленин и теперь *живее всех живых*" эти слова; *живее всех*. Ну, а если разбирать дальше, как будет со словом *живых*?

По нашему мнению сочетания типа *дороже всего*, *живее всех* такого же типа, как (*брат*) *старше сестры*, (*любовь*) *сильнее смерти*, в них выступает родительный сравнения (*genitivus comparationis*), и им точно соответствуют

* Л. А. Виноградова. Система работы по русскому языку в V классе. М., 1962.

(брат) *старше всех*; (любовь) *сильнее всего*, в которых налицо субстантивированные местоимения *все* и *всё*, и они в род. падеже выражают предмет, с которым сравнивают. Интересно, что это явление не отмечается ни в одной из грамматик, в том числе и Академической, где в разделе дополнения приводятся лишь такие примеры: Она была старше *его* . . . ; Усердней *его* трудно найти . . . ; . . . смерть, вероятно, легче этой *жизни*; . . . ничто не будет сильнее *того*, что чувствует сейчас Бекишев (т. II, ч. I, стр. 569).

IV. А. В. Исаченко, трактуя о прилагательных, называет сочетания типа *важнее всех* (или *важнее всего*) одной из трёх форм превосходной степени, выступающей в функции сказуемого абсолютного. Он же, когда пишет и степенях сравнения наречий, считает сочетания со словами *всех* и *всего* одной из двух аналитических форм превосходной степени наречия.¹³

В. В. Виноградов в сочетаниях типа (*работать*) *лучше всех*, (*любить*) *больше всего* видит форму описательной превосходной степени наречия, но в то же время считает, что у прилагательных форма сравн. степени в сочетании с род. падежом — *всего* или *всех* приобретает значение превосходной¹⁴.

В книге „Современный русский язык” об исследуемом нами сочетаниях мы находим следующие формулировки: „Прилагательные. . . приобретают значение превосх. степени”, а дальше: „Значение же превосх. степени в настоящее время выражается описательно. . .”¹⁵

В Академической грамматике сказано: „прилагательные в сравнительной степени, сочетаясь с местоимением *весь*, *всё* в родительном падеже, получают значение превосходной степени, выражая высшую степень качества;” а далее: „значение превосходной степени наречия в современном языке может выражаться описательно — посредством сочетания формы сравнительной степени с местоимением *всего*, *всех*, напр.: *любит больше всего*, *работает лучше всех*. (Т. I, стр. 294, 609).

Однако по мнению составителей Академической грамматики это же значение превосх. степени получают формы сравнительной степени в отрицательных оборотах с обобщённым значением (степень признака здесь мыслится как предельно высокая). (Т. I, стр. 294). Приведённые в Академической грамматике примеры: „*Нет ничего лучше* Невского проспекта. . .” „*нельзя быть милей* Резвой, ласковой Мери”; „*Нет тебя светлей* и *красе* и *желанней* сердцу нет”. (Там же).

В. В. Виноградов в своём „Русском языке” (стр. 259) приводит и пример несколько другого типа: „Добрее, великодушнее, лучше вас *я не знаю* человека и не может быть.” (Л. Толстой).

По нашему мнению, какое значение приобретают в данном контексте формы сравнительной степени — это не грамматическая проблема, а вопрос стиля, подбора слов. Ведь формы сравнительной степени не только в отрицательных оборотах могут получать значение превосходной, но и в утвердительных, напр.: „Она красивее всех женщин, живших и живущих на земном шаре; Ленин и теперь живее всех живых” (Маяковский). Здесь „помогает” в выражении значения превосх. степени и этимологическая фигура. Кроме того, в из-

¹³ А. В. Исаченко. Указ. кн., стр. 274, 338.

¹⁴ В. В. Виноградов. Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 347, 259.

¹⁵ Современный русский язык. Морфология. (Под ред. акад. В. В. Виноградова). М., 1952, стр. 146, 392.

вестных условиях даже исходная форма прилагательного может приобрести значение превосходной, напр.: Нет (не существует) такого доброго человека, как вы. Это предложение также имеет значение: Вы самый добрый человек.

Что касается объяснения наречий, в Академической грамматике наблюдается некоторая непоследовательность. В разделе о наречиях уже не указывается, что в отрицательных оборотах „они могут приобретать значение превосходной степени”, хотя тут происходит аналогичный процесс. Напр., слова „. . . *никто* на свете *не умеет лучше* нас смеяться и любить” (Лебедев-Кумач) имеют такое значение: Мы *умеем лучше* всех смеяться и любить и т. п.

По нашему мнению простая сравнительная степень + *всего* и простая сравнительная степень + *всех* — своеобразные смежные сочетания, которые отличаются и друг от друга в разных отношениях.

1. Слово *всех* выделяется, произносится с большим усилением тона, как бы обращает внимание слушающего на то, что здесь налицо сравнение: сравнивается качество предмета с качеством всех других предметов из одной и той же категории, в то время как *всего* произносится с меньшим усилением тона, оно как бы сливается с простой формой сравнительной степени и поэтому оно более обоснованно воспринимается, рассматривается как одно слово.

2. При наречиях между обоими сочетаниями наблюдается такая разница: сравнительная степень + *всего* обычно предшествует глаголу, как это свойственно наречиям вообще, а сравн. степень + *всех* наоборот, как правило, стоит после глагола и поэтому выделяется больше. Ср.: Я *больше всего* люблю музыку и Почему ты приехал *позже всех*? В первом предложении доминирует наречие, во втором предложении доминантным компонентом является словоформа *всех*. Во втором примере сравн. степень наречия стоит в непосредственной близости к глаголу, в первом же примере, хотя между словами *больше* и *люблю* вклинено местоимение *всего*, всё-таки сочетание *больше всего* в целом воспринимается как наречие, в то время как в выражении *позже всех* безусловно чувствуется сравнение с другими лицами. Итак сочетания со словом *всего* представляются более спаянными, сплочёнными, чем сочетания с род. пад. *всех*.

3. При числительных и модальных словах встречается одна лишь словоформа *всего*; такое же явление наблюдается при именах прилагательных, если сравнивается проявление качества в одном и том же предмете в разных условиях места и времени: Здесь река *шире всего*. (В последнем случае в венгерском языке местоимению *всего* никогда не может соответствовать слово *mindennél*.) Все перечисленные языковые факты убеждают нас в том, что простая сравнительная степень + *всего* уже превратилась в современном русском языке в сложную превосходную степень.

В отношении сочетания „простая сравнительная степень + *всех*” можно поставить ещё один вопрос: есть ли существенная разница в употреблении сочетания двух слов *всех других* и субстантивированного местоимения в род. п. *всех*? В праве ли мы считать, что в предложении Этот вопрос *труднее всех* налицо форма превосходной степени, а в предложении Этот вопрос *труднее всех других* — форма сравнительной степени прилагательного? Думается, нельзя делать дифференциацию между обоими предложениями по чисто формальным признакам. Нам кажется, сравнительная степень плюс слово *всех* всегда является сравнительной степенью, которая в некоторых условиях (напр., когда говорится о лицах, или при наличии определения) может приобрести значение превосходной.

ОБ ОДНОМ СПОРНОМ МЕСТЕ У Л. ТОЛСТОГО

А. Фейер

В венгерском издании толстовского „На каждый день” мы можем читать: „Tömörkény István magyar író beszéli el: 1897-ben a nagykikindai városi jegyzőhöz beállított egy roskatag aggastyán, kezében egy darab papirossal — a negyvennyolcas honvédek nyugdíjívével.

— Kérem, jegyző úr, tessék beírni, hogy lemondok a nyugdíjról.

А jegyző csodálkozva kérdezte az öreget:

— Mi történt? Csak nem talált valami kincset?

— Úgy van, jegyző úr, úgy van — kincsre akadtam — felelt az aggastyán. Megtaláltam az én Uramat, aki drágább nekem, mint a világ minden kincse, és akinek nem tetszik, hogy én, az ő szolgálója olyan kenyeret egyem, amelyet fegyverrel vívtak ki”¹

(В 1897-ом году к городскому нотариусу Великой Кикинды пришёл дряхлый старик. В руках у него был лист бумаги: свидетельство о праве на пенсию инвалиду 48-го года. — Извольте записать, господин нотариус, — сказал старик, — что я отказываюсь от своей пенсии. Удивлённый нотариус спросил старика: „Что вы, разве нашли клад?” — Верно, совершенно верно, господин нотариус — ответил старик: — я нашёл клад. Нашёл я, господин нотариус, своего господина, который дороже мне всех кладов мира сего и которому не нравится, чтобы раб его питался хлебом, доставленным его оружием.)

Литература по Тёмеркеню не упускала из виду этого интересного момента. Ссылаясь на немецкое издание, Д. Ортутай отмечает: „Tolsztoj egy világiaknak szánt breviáriumában (Für alle Tage, ein Lebensbuch, 104.) Tömörkény-idézeteket találhatunk.”²

(В Молитвеннике Толстого для мирских мы встречаем цитату от Тёмеркени.) Кишпетер пишет: „Lev Tolsztoj is idézi világiak számára összeállított *Mindennapra* című breviáriumában Tömörkény egyik nazarénusokról szóló történetét. . .”³

(Лев Толстой цитирует в своем молитвеннике для мирских „На каждый день” один из рассказов Тёмеркени о назаренах. . .) Научная объективность этих авторов подчеркивает эмоциональную насыщенность следующего предложения венгерского поэта Д. Юхаса: „Даже великий Толстой включил в свой дневник для читателей один из рассказов Тёмеркени. По всей вероятности

¹ *Tolsztoj: Mindennapra.* Eugen Heinrich Schmitt és Skarvan német kiadásból fordította Szini Gyula. Az orosz kiadás alapján átnézte: Gellért Hugó. Bp. 1929.

² *Ortutay Gyula:* Tömörkény István. Szeged, 1934. 131.

³ *Kispéter András:* Tömörkény István. Bp. 1964. 224.

Душан Маковицкий, его происходящий из Ружемберока врач и секретарь обратил внимание великого и святого мужика на своего сегедского единомышленника.⁴

Лаконизм авторов монографий кроме законов жанра объясняется и тем, что они не смогли определить, из какого произведения венгерского писателя взята данная цитата. Такого рассказа Тёмеркенья, в котором обсуждаемый эпизод встречался бы, хоть и в измененной форме, не знают самые авторитетные специалисты творчества писателя.

Другое невыясненное обстоятельство — вопрос о путях передачи отрывка. Подзаголовок соответствующей главы молитвенника как будто доказывает предположение Д. Юхаса: „По сведениям доктора Маковицкого и доктора Шкарвана. Из журнала Образование за июнь, июль 1904.”

И. Л. Киш, автор статьи, посвящённой Маковицкому в юбилейном сборнике,⁵ тоже согласна с этим предположением. Всё это можно предположить, но не доказать. Кроме Маковицкого по крайней мере ещё два человека могли быть непосредственными или посредственными передатчиками. Они оба были толстовцами, и перевели данное произведение Толстого на немецкий язык. Доктор Шкарван, о котором упоминается в подзаголовке, некоторое время был военным врачом в г. Кошице. Другой — Эуген Гейнрих Шмитт, немецко-венгерский писатель-журналист, который долгое время жил в Сомборе, сравнительно недалеко от Сегеда. Оба вели переписку с Толстым:

Читая разные воспоминания о Толстом, фигура Маковицкого вырисовывается вовсе не таким, как будто он был посредником венгерской культуры у своего учителя. Булгаков пишет о том, что по совету Душана Лев Николаевич посылает статью для журнала чешских анархистов.⁶ Или однажды за обедом Душан сказал Льву Николаевичу, что чешский поэт послал ему два стихотворения о Лютере и Хельчицком. Нас интересует, что в марте 1905-го года Толстой спрашивает своего врача о назаренах. Но характерно то, как именно заходит речь об этом: „Знают назарены Хельчицкого? — спросил потом меня Лев Николаевич. — Нет, вовсе не знают.” Маковицкий посредничает между своими пражскими друзьями и Ясной Поляной. Венгрия упоминается только в связи с судьбой словаков. Всё это снижает вероятность посредничества Маковицкого. Открывая Полное собрание сочинений Толстого, мы с удивлением видим, что там отсутствует первое предложение указанного отрывка: „И Тёмеркень, венгерский писатель рассказывает . . .” Также отсутствует подзаголовок с именами Маковицкого и Шкарвана. В главе упоминаются те же факты и события, в приписываемом Тёмеркенью отрывке только одно изменение: нотариус называет старика именем Ванда. По русскому изданию источником главы является книга Ольховского „Назарены в Венгрии” („Посредник” 1905.) В переводах глава помещена при месяце июле, здесь при декабре, значит в конце тома.

На 57—58 странице брошюры Ольховского действительно можно обнаружить данный эпизод. Старого назарена здесь называют Вайдой и к тексту прило-

⁴ *Juhász Gyula*: Tömörkény Bécsben. Délmagyarország. 1926. máj 30.

⁵ *L. Kiss Ibolya*: Tolsztoj magyar vonatkozásai. Tolsztoj emlékkönyv. Szerk. Tóbiás Áron, Bp. 1962. 74.

⁶ В. И. Булгаков, Л. Н. Толстой в последний год его жизни. Дневник бывшего секретаря Л. Н. Толстого. Москва, 1927. 402.

⁷ Д. Т. Маковицкий, Яснополянские записки. Яснополянский сборник Тула, 1955. 318. записка за 30-го марта 1905-го года.

жено ещё одно объясняющее предложение. Своим источником русский автор называет один из номеров газеты *Budapesti Hírlap* за сентябрь 1897-го года. По его свидетельству текст не является отрывком из длинного фельетона или статьи, а только заметкой, которая печаталась под заглавием „Назарены”. В соответствующих номерах *Budapesti Hírlap* эта заметка не встречается. Такие заметки печатались без подписи, поэтому авторство вряд ли может быть выяснено. В своей книге Ольховский ссылается на литературу вопроса и рукописные записки Маковицкого. Собственных опытов о назаренах в Венгрии он не имеет. Наверно, Маковицкий сообщил Ольховскому о газетной статейке. Но врач Толстого передал только данное о назаренах и не литературное произведение венгерского писателя. В комментариях к полному собранию сочинений Толстого описывается история возникновения данной главы. О книге Ольховского пишется: „Главная тема этой статьи (Ольховский) — современные религиозные преследования — была чрезвычайно близко Толстому, и он решил выдержки из неё включить в „Круг чтения”, поручив Х. Н. Абрикосову составить извлечение из этой книги . . .” „Из книжки в семьдесят пять печатных страниц Х. Н. Абрикосовым была сделана подборка в пятнадцать писанных страниц. Но Толстой и это сокращённое изложение нашёл слишком просторным для „Круга чтения” и значительно сократил его.”⁸ Толстой проверил два первых беловика, но конечного нет, также как и второго издания.

Имя Тёмеркена появляется в немецком переводе, с которого сделан венгерский перевод. Переводчики пользовались некоторой свободой, потому что по указаниям полного собрания⁹ включили в перевод те „чтения”, издание которых русская цензура не разрешила. Вероятно Эуген Гейнрих Шмитт, который был тесно связан с венгерской литературной жизнью, усматривал в этом отрывке одно произведение Тёмеркена.

⁸ Л. Н. Толстой: Полное собрание сочинений в 90 томах, Москва, 1928—1959, т. 72 ст. 639.

⁹ Там же т. 72, ст. 282.

СОДЕРЖАНИЕ

Соколова М. А. К истории разработки русского языка в Советский период и перспективы дальнейшей работы	3
Х. Тот И. К фонетике древнепсковского говора	9
Шонкой П. К истории системы склонения имен существительных	15
Феринц И. Словосочетания с предлогами <i>в</i> и <i>на</i> для обозначения пространственных отношений в „Источниках по истории русского народно-разговорного языка XVII-начала XVIII века”	23
Юхас Й. Об энклитической частице <i>-то</i> в русском языке	29
Пете И. Антонимичные пары в русском языке	35
Кони Ш. Простая форма сравнительной степени плюс <i>всего</i> и <i>всех</i>	43
Фейер А. Об одном спорном месте у Л. Толстого	51

Felelős kiadó: Juhász József

Megjelent: 350 példányban 5 (A/5) ív terjedelemben. A kézirat a nyomdába érkezett 1967 június hó.
Készült: monó szedéssel, íves magasnyomással az MSZ 5601-59 és az MSZ 5603-55 szabványok szerint.
67-5681 – Szegedi Nyomda